

Серж Бэст

ЧУЖАЯ ПРАВОТА

ПРОЛОГ

*Умение превращать
все факты в
дополнительное
подтверждение
собственной правоты —
козырный туз безумия,
бьющий все карты
здорового смысла, а
напоследок и самого
игрока.*

Макс Фрай,
«Сновидения Ехо»

Вам бандероль, — говорит, улыбаясь мне молодая девушка-почтальон, лет тридцати, после того, как я открываю ей дверь своей квартиры.

Она суёт мне в руки увесистый свёрток. Я бегло читаю адрес на упаковке и недоуменно качаю головой.

— Адрес отправителя мне не знаком. Это может быть бомба! — мрачно шучу я и прикладываю бандероль к уху.

Улыбка с лица девушки в то же мгновение

сбегает напрочь, и она испуганно шарахается в противоположную от меня сторону.

— Это, правда? — лепечет она, испуганно тараща на меня свои чёрные глазища.

Я успокаиваю её и досажую на нелепость своей шутки.

— Всё нормально. Тиканья часов не слышно... — ухмыляюсь загадочно я.

— Ходики это моветон, — выдавливая из себя тревожно девушка, сейчас есть часы, тиканье которых не слышно, мобильники, наконец...

Я удивлён её осведомленностью и признаюсь в том, что неудачно пошутил.

— А я вам поверила, — искренне признаётся девушка. — Вы ведь служили в ФСБ? Не так ли?

Я продолжаю удивляться. Откуда у неё такая осведомлённость?

— И кто это вам проболтался обо мне? — интересуюсь у неё я.

— Вы забыли, что я почтальон, — задорно смеётся девушка-почтальон и в её глазах бегают игривые искорки. — В прошлом месяце я опустила в почтовый ящик открытку, которую направило вам управление ФСБ в канун праздника — Дня работника госбезопасности. У меня на участке, таких как вы, три человека, а у моей подруги их пятеро...

Мои глаза ползут вверх от удивления...

— Да уж, — протягиваю я, и дурацкая улыбка ползёт по моему лицу.

На прощание интересуюсь именем девушки. Благодарю её за доставленную бандероль. Она уходит, а я по сложившейся привычке смотрю ей вслед и отмечаю, что у неё красивая фигура. Затем захожу в дом, отыскиваю ножницы и разрезаю упаковку бандероли. Пред моими глазами предстают пожелтевшие, пронумерованные и исписанные от начала до конца блокноты, составленные из линованных листов ученических тетрадей.

Это чьи-то дневники, — первое, что приходит мне на ум. Но тут же задаюсь вопросом, если это так, то почему они написаны от третьего лица? Впрочем, ответ нахожу быстро. Дневники автором были переписаны. Это было сделано для того, чтобы взглянуть на произошедшие события со стороны.

Разобрав блокноты, неожиданно отыскиваю записку, адресованную мне неизвестным отправителем.

Уважаемый Серж!

Полагаю, что я не ошибся в своём решении, доверить вам мои дневники, в которых изложены события, оставившие неизгладимый

след в моей жизни.

В одном из ваших романов, вы устами героев говорите: «Для конкретного человека нет разницы, где он получит девять граммов в лоб — в ходе военных действий, носящих глобальный характер, или в перестрелке на границе...». Это действительно так, потому как речь идёт о самом дорогом, что есть у человека — о его жизни.

Эти слова явились для меня определяющими в выборе писателя, которому я мог бы доверить свои сокровенные записи, написанные мной в непростые периоды мой жизни. Добавлю, к сказанному вами, лишь одно — непросто рисковать своей жизнью, если знаешь, что она может быть отдана за «чужую правоту»...

И ещё. Очень больно слышать от лоснящихся жирных физиономий, обличённых в чиновничьи мундиры, слова: «Я вас на войну не посылал, обращайтесь к тем, кто вас посылал туда...». Только, Серж, не подумайте, пожалуйста, что это стенание сломленного человека, я человек сильный духом, под стать мне и два моих сына, мы справимся со

всеми жизненными невзгодами. Однако жизнь складывается у всех по-разному, поэтому хорошо, что вокруг нас есть такие люди, которые, не раздумывая, подставят своё плечо в тяжёлый для тебя час...

Почему неизвестный автор говорит о «чужой правоте»? — застывает на моих губах немой вопрос. Мозг мгновенно даёт подсказку. Всё дело в войне. В голову приходят крылатые слова времён Великой Отечественной: «Наше дело правое! Враг будет разбит! Победа будет за нами!».

На той войне было всё предельно ясно и понятно — дело действительно правое! Никто не сомневался в том, что защищая свою Родину, своих родных и близких, свой родной кров от фашистских оккупантов советские воины вершили дело правое...

Неожиданно вспоминаю последние июньские дни 1984 года, проведенные мной у изголовья умирающей от рака матери моей жены. Она была удивительным человеком, как говорили в те времена, верным партийцем-ленинцем. Чтобы облегчить её физические страдания я по предписанию врачей ставил ей уколы морфия.

Старая женщина, тело которой было высушено до костей тяжёлым недугом, часами

рассказывала о своей непростой жизни, о том, как месила ногами бетон на стройках Днепрогэс, как участвовала в раскулачивании зажиточных крестьян — изымала по указанию партии излишки у них домашнего скота, уравнивая их с бедняками. Именно тогда, на одном из таких мероприятий, в неё выстрелили из обреза, убили под ней лошадь, когда она прорывалась через окружение озлобленных недоброжелателей.

Вспомнил я об этом неслучайно, потому как Мария Владимировна Трацевская — персональный пенсионер республиканского значения (был такой раньше статус) искренне сокрушалась, что многое из того, что ей приходилось делать, притом порой с риском для здоровья и самой жизни, позже назовут ошибками, делом не правым.

Так что же всё-таки, что привело автора дневников к такому суждению? — вновь задаюсь я вопросом? Может осознание того, что втягивание СССР в войну в Афганистане это был американский проект, длившийся вдвое дольше, чем Великая Отечественная Война? Ведь неслучайно войну в Афганистане они называли Советским Вьетнамом. И сейчас, спустя многие годы, это является очевидным фактом. Может поэтому, у него в душе возникла горькая досада, что тысячи лучших сынов нашей Родины сложили свои головы, отстаивая чужую правоту, в чужой

стране, начавшей строить, как писали газеты той поры, социализм, от которого позже и в своей стране-то отказались...

Впрочем, что гадать. Вот его первый блокнот, в нём кроется начало первой главы моего романа «Чужая правота», в котором уже слышатся не только отголоски живого голоса никем и никому необъявленной не столь далёкой героической и трагической афганской войны, начавшейся при «застое» и завершившейся при «перестройке», но также и времени предшествующему ей.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

Дуся неспешно шла по длинному коридору «Панфиловки» — алмаатинской школы имени Героя Советского Союза генерал-майора Ивана Васильевича Панфилова, ловя на себе любопытные взгляды. Несмотря на то, что она весело стучала каблучками, настроение было хуже некуда. В этой школе, ей предстояло знакомство с новым классом и это обстоятельство больше всего занимало и тревожило её. Ей не нравилось приковывать к себе внимание, но избежать это она не могла, так как была не из тех, кого называют «серой мышью» или

«бледной молью». Длинноногая блондинка с шикарной копной светлых волос и серо-зелёными глазами, плюс точёная фигурка. Юношеские проблемы она счастливо избежала: никаких жирных волос, ни каких прыщиков на молочно-белой коже. Она всегда была хрупкой, но не тощей, а в последнее лето, перед отъездом в столицу заметно оформилась. Ходила красивой походкой, благодаря занятиям по художественной гимнастике, проводимых её тётей в местном Доме культуры. Тётя отличалась скверным характером, но это обстоятельство, тем не менее, благотворно сказывалось на спортивных результатах её воспитанниц. Таким образом, все достоинства Дуси вызывали не только восхищённые взгляды мальчиков, но и ядовитую зависть одноклассниц.

Внимательно изучив расписание, Дуся поспешила в конец коридора. Отыскав свой класс, она остановилась у окна в ожидании педагога, который вёл у них литературу. Дети, проходя мимо, бросали любопытные взгляды на неё.

Неожиданно к ней подошёл один мальчик, и, взглянув на неё с добродушной улыбкой, спросил.

— Ты новенькая?

Дуся вымученно улыбнулась ему в ответ.

— Да, новенькая.

— Так, заходи в класс и занимай свободное место...

— Нет, я лучше подожду учителя, это будет правильнее.

— Тогда я займу на тебя место, если ты, конечно, не возражаешь сесть рядом со мной за одной партой?

— Спасибо! — мило улыбнулась ему Дуся, — я не против.

— Меня зовут Клим, фамилия Ломакин. По-взрослому я Климентий.

— Необычное имя, оно, как и моё, редко встречается, — заметила Дуся.

— Мой прадед в гражданскую войну, — принялся рассказывать о себе мальчик, — воевал в конной армии у Будённого и он, в память о своём командире, назвал своего сына Максимом. Мой отец в свою очередь, который с детства зачитывался книгами о героях гражданской войны, назвал меня в честь маршала Климентия Ворошилова. А тебя как зовут?

— Я Дуся Тобольская. Если по-взрослому, — задорно рассмеялась она, то я Евдокия. Моим предкам тоже гражданская война навеяла назвать меня этим именем. — А тебе нравится твоё имя?

Клим тоже рассмеялся.

— Да, нравится. Хотя было время, когда оно не нравилось. Однажды я даже высказал отцу претензии, на сей счёт. В прошлом году мне дядя на день рождения подарил настоящую кавалерийскую

саблю, сказав при этом, что она такая же, как у Ворошилова. Прикольно! А твой отец часом не военный?

— Нет, — ответила ему Дуся, — мой папа по образованию инженер, а мама филолог. Что касается моего имени, то была такая революционерка — Дуся Ковальчук, её расстреляли в 1919 году не то чехи, не то поляки. Так, вот, улица, на которой стоял мой дом, в родном мне городе Новосибирске, была названа в честь её. Кроме того, а в городском сквере был установлен её мраморный бюст, я там, в детстве, часто любила бывать. — А ещё от школьного учителя по истории, работавшего ранее в городском архиве, я узнала, что Дуся Ковальчук в 16 лет вышла замуж. Её муж был парикмахером, имел свой салон на привокзальной площади, и был вдвое старше её, — добавила она к сказанному и усмехнулась.

— Ничего себе! Да он же старик, — удивлённо покачал головой Клим. — А вдруг тебе, Дуся, тоже такая участь заготовлена? — рассмеялся он.

— Ну, уж нет! — Дуся сердито сверкнула глазами. — Никогда так больше не шути, — мне это не нравится...

— Ладно, не буду. Кстати, Климу Ворошилову тоже бюст соорудили. Прах маршала

замурован в Кремлёвской стене, там и бюст его и стоит. Сейчас этот некогда любимый герой у нынешних историков не в фаворе и мой отец сожалеет, что назвал меня его именем...

— Не грузись, Клим, по этому поводу. Мне, например, нравится твоё имя. Оно звучит мужественно.

— Спасибо! Мне твоё имя тоже нравится...

— А тебе довелось быть в Москве? — поинтересовалась Дуся.

— Нет, я там не был, — честно признался Клим.

Дуся заметила, что у мальчика карие глаза, хотя кожа, при этом была светлой. Выглядело это вкупе с прямым носом, волевым подбородком, слегка волнистыми тёмными волосами очень даже неплохо.

— А ты скучаешь по родному городу?

— Иногда, — с мягкой улыбкой ответила Дуся. — Но здесь очень хорошо. Актюбинск, в сравнении с Новосибирском, небольшой город — менее четырехсот тысяч жителей.

— Понятно! — Алма-Ата, пожалуй, покрупнее Актюбинска будет, — улыбаясь, заметил Клим.

Дуся неожиданно для себя прыснула со смеху. Клим явно хотел сказать что-то ещё забавное, но раздался школьный звонок, объявивший о начале

занятий.

— До встречи в классе! — сказал Клим, завидев идущую в конце коридора учительницу, нагруженную сверху доверху художественной литературой.

— До встречи!

А Клим явно милый мальчик! — подумала с теплотой в душе о нём Дуся.

— Новенькая, возьми у меня несколько книг, а то я приседаю от тяжести, — воззвала к ней издали учительница.

Дуся бросилась ей на помощь.

— Какие тяжёлые книги, — сказала она, стаскивая с рук учительницы объёмное наследие писателя Льва Толстого.

— Да, деточка! Роман «Война и мир» — тяжёлый роман и он явно не для праздного прочтения, — усмехнулась учительница, поправляя очки, сползшие с переносицы на кончик носа.

Они вошли в класс. Положив книги на стол учителя, Дуся окинула взглядом класс, отыскивая парту, за которой сидел Клим. Место рядом с ним свободно.

Клим помахал ей рукой. Он сидел в правом ряду у большого полуоткрытого окна, на подоконнике которого стояли белые керамические горшки с ярко-жёлтыми цветами.

Отличное место! — с удовлетворением

отметила про себя Дуся и направилась к нему, вновь ловя на себе взгляды одноклассников.

Учительница открыла журнал и принялась сверять список учащихся. Дуся внимательно вслушивалась в имена, понимая, что пройдёт ещё много времени пока она запомнит хотя бы половины своих нынешних однокашников, с которыми она на следующий год будет сдавать выпускные экзамены.

Мать Дуси считала, что её сверстники также будут охвачены волнением в свой первый день учёбы в выпускном классе. Обычная родительская философия, направленная на успокоение единственного ребёнка по поводу и без повода! Вот только с чего бы им быть взволнованными? Они ведь вместе учились в одном классе многие годы, привыкли уже. Поэтому никто из них не почувствует себя потерянным и напуганным, как она.

После развода родителей, Дуся жила с мамой в небольшом провинциальном казахском городке и не видела причин что-либо менять. Зато её мать видела. Для своего единственного ребенка она хотела сделать всё правильно. В шестнадцать лет дочь должна учиться в Алма-Ате, где и будет поступать в институт, — решила она.

С переездом и жильём проблем не возникло, там у них проживала одинокая, престарелая

бабушка — мама матери, за которой ко всему прочему нужен был ещё и уход.

Учительница назвала её имя.

— Евдокия Тобольская!

— Дуся, я обращаюсь к вам, — назвала вновь её имя учительница.

— Дульсинея Тобосская погрузилась в мир грёз. Не будем её тревожить, — насмешливо сказал кто-то сидящий сзади.

Класс взорвался смехом, и Дуся очнулась от охвативших ее раздумий.

— Я здесь! — выпалила громко она и тут же съежилась под пристальным учительским взглядом поверх очков.

Учительница перешла к следующему ученику, а Дуся с облегчением выдохнула и достала тетрадь, стараясь не привлекать к себе лишнего внимания. Но не тут-то было, следующим в списке был Клим.

— Климентий Ломакин! — назвала его учительница.

— Дон Климентий Ламанческий находится там, где в тоске и неге пребывает прекрасная Дульсинея, — прокомментировал под оглушительный хохот всё тот же ехидный голос с заднего ряда.

Класс вновь бурно отреагировал на шутку. Не сдержала улыбку на лице и учительница. Только двоим было в классе не до смеха.

Клим резко обернулся назад, лицо его пылало в гневе.

— Рыжий, если ты сейчас не уймёшься, то будешь у меня бегать по школе, как вшивый в бане, — грозно сказал он конопатому парню, сидевшему в обнимку на задней парте с каким-то лопухим толстячком.

— Мальчики, успокойтесь! — призвала к порядку учительница, — мы теряем время...

Учительница приступила к изложению учебного материала, а Дуся краем глаза покосилась на Клима. Заметив, что он тоже косится на неё, она с трудом сдержала смех.

— Круто, ты его... — написала она на чистом листе бумаге. — Спасибо!

— С «Рыжим» только так и надо, — написал он в ответ.

— Мне кажется, он здоровый... У тебя с ним не будет проблем?

— Я его из одной минуты не выпущу...

— Это как?

— Это борцовский сленг...

— Тогда, я догадываюсь как — ты его за одну минуту уложишь на лопатки...

— Что-то вроде того...

— Может, мне тоже наехать на какую-нибудь девочку, которая больше всех прыскала со смеху над нами? Я не хочу оставаться в стороне, —

написала она вновь на листке и нарисовала девочку с огромными кулаками, стоящую в боксёрской стойке.

Клим опустил голову и закрыл смеющееся лицо руками. Классная девчонка! — подумал он с восхищением о новенькой. Надо подружиться с ней.

После возвращения в класс после очередного перерыва на перемену Дуся обнаружила закладку в свой учебник по математике в виде сложенного четверо клочка бумаги. Это была записка явно недружественного содержания, написанная девичьей рукой.

Дульсинея!

*Рекомендую тебе побыстрее
занять последнюю парту и там
забиться в угол, а не скалить зубы с
Климом...*

Понаехали!

Настроение сразу упало на ноль. Началось! Какими же злыми бывают девчонки!

Отец как-то однажды в шуточной форме рассказал ей, что в собачьих боях участвуют только самцы и это неслучайно, потому как самки грызутся до полной победы над соперницей — её смерти. Видимо, в этом что-то есть, если проводить

определённые аналогии с особенностями конструкции женской психики, — горестно подумала она.

Клим, видя удручённое состояние своей соседки, вновь достал чистый лист бумаги.

— Дуся, что случилось? На тебе нет лица.

— Их бёзе! (нем.) — ответила она ему.

— Что это значит?

— Я злая...

— А в чём дело?

— Я готовлюсь к бою!

— С «Рыжим»?

Улыбка пробежала по её лицу. Дуся на мгновение задумалась, стоит ли показывать Климу полученную записку. А впрочем, почему бы нет, она безликая, автор неизвестен. Хотя, его может знать Клим...

— Нет. «Рыжий» просто милашка, в сравнении с той стервой, которая написала мне записку.

Дуся украдкой протянула ему записку. Клим прочёл её и на его лице заходили желваки.

— Ты знаешь, кому может принадлежать эта записка? — написала она.

— Догадываюсь...

— Это твоя девчонка так отреагировала на моё появление рядом с тобой? Кстати, а почему она не сидит с тобой за одной партой? Вы поругались?

Клим взял паузу. Он не знал, что сейчас ответить Дусе. После некоторого раздумья решение пришло само собой.

— Давай об этом поговорим после уроков, — написал он.

Дуся задумалась, ей не хотелось давать спешный ответ. Сейчас в её голове превалировала одна мысль — а зачем мне всё это надо? Однако в записке незнакомки было одно слово, которое её задевало до глубины души — «Понаехали!». Этого она стерпеть не могла, не в её характере отступить. Ей остро захотелось увидеть автора записки, чтобы посмотреть ему в глаза...

— Давай, поговорим, — нехотя согласилась она на предложение Клима.

На выходе из школы Клим махнул рукой в сторону четверых парней, стоящих у цветочной клумбы.

— Это мои друзья по секции, они учатся в соседнем классе. Давай подойдём к ним на пару минут...

От предложения познакомиться с целой оравой чужаков Дуся невольно съёжилась и это не ускользнуло от внимания Клима.

— Если не хочешь, то давай не будем.

— Хочу, — неожиданно для себя согласилась она, но прозвучало это согласие явно неубедительно.

— Точно? Если не хочешь, то подожди меня пару минут на крыльце, я быстро переговорю с ними относительно предстоящего соревнования по борьбе самбо на первенство города.

— Нет, нет, хочу, — подтвердила своё желание Дуся.

— Тогда пойдём, — сказал ей Клим, взяв её под локоток.

Ощущение было странным в силу того, что они были знакомы лишь несколько часов, но она при этом противиться не стала.

— Привет, парни! Знакомьтесь — это Дуся. — Она новенькая, сидит вместе со мной за одной партой. Я изо всех сил стараюсь понравиться ей, — представил её неожиданным образом своим друзьям Клим.

У Дуси от слов Клима поползли вверх брови. В горле предательски запершило, и она с трудом проглотила образовавшийся от волнения комок. Это прозвучало с его стороны чересчур самонадеянно, хотя и было приятно.

Клим назвал имена всех своих друзей, Дуся тут же их забыла, потому, что не решила ещё для себя как поступить с их другом.

— Клим, давай вернёмся к нашим баранам, — предложила Дуся, как только они отошли от его друзей. — Записку мне написала твоя бывшая подружка? А может, она ещё действующая?

— Как тебе сказать..., — замялся Клим.

— Скажи прямо и честно, иного ответа я не приемлю. Мне важно знать от какой девочки мне исходит угроза. Я не хочу никому причинять душевные страдания в первый же день моего пребывания в классе. Мне нужны знания для поступления в институт, а не проблемы...

— Понимаю тебя. Эту девочку зовут Газиза, она сидит в левом ряду одна, как и мы, за третьей партой.

— Брюнетка, с прямой чёлкой на лбу и в белых капроновых колготках?

Клим усмехнулся.

— Да, это она.

— Симпатичная девушка...

Клим пропустил мимо ушей этот комплимент, в адрес своей бывшей подружки.

— Мы с ней дружили около полугода, но потом в нашу дружбу вмешались её родители, и она стала встречаться с мальчиком из элитной школы, у которого родители работают в аппарате первого секретаря Центрального Комитета компартии республики Кунаева. Этого прыща, по имени Аскар, я однажды изрядно поколотил — сломал ему передний зуб, за что меня едва не исключили из комсомола.

— Так ты драчун? — удивлённо спросила она.

— Нет, я не драчун. Этот мальчик сам

напросился, — буркнул Клим.

— Это как так напросился? — Подошёл к тебе и заказал взбучку, — рассмеялась Дуся.

— Что-то вроде этого. Он подкараулил меня со своими друзьями у моего дома. Начал угрожать за Газизу, с которой мы уже не встречались. Из окна смотрел мой отец и наблюдал за развитием ситуации. Он всё понял. Обычное дело для парней. Ему было интересно, как поведёт себя в этой ситуации его сын.

— И ты их не «выпустил из минуты»?

Клим рассмеялся.

— Их было трое, но я бился как лев со всеми. Они, в конечном итоге, не выдержали моего натиска и отступили. На моей физиономии красовались несколько синяков, особенно был хорош синяк под глазом, но я чувствовал себя в глазах отца победителем, правда, недолго.

— Почему?

— Уже менее через час к нам домой приехала милиция, и мы с отцом были не рады моему геройству, потому как встал вопрос о возбуждении уголовного дела. Отцу сказали, что я не только поколотил этих троих, но и забрал у них какие-то ценные вещи. Хорошо, что он видел своими глазами, как было дело, а то вообще было бы швах, в смысле плохо. Казахи мурыжили нас с отцом целый месяц, пока не ввязался в это дело начальник

пограничного училища, где служит отец. У того тоже нехилые связи, ведь в училище учится немало именитых отпрысков: дети министров, прокуроров, судей...

— Да уж, — протянула, качая головой Дуся, — влип ты тогда — отлупить сынка из ближайшего окружения самого Кунаева, это очень круто!

— Это точно, влип. После всего того, что случилось со мной, я вычеркнул эту парочку из своей жизни и стараюсь не видеть и не замечать их. Не понимаю, почему Газиза, решила напомнить о себе. Видимо, что-то у них в паре не заладилось, вот она и задурила...

— Может быть и так, а может просто-напросто типичная девичья ревность, — сказала Дуся.

— Тебе тоже приходилось ревновать мальчика, с которым дружила? — тут же проявил неподдельный интерес Клим.

— Нее, — протянула Дуся, — но я точно знаю, что такое бывает, об этом много пишут в книгах.

— Я с ней поговорю, чтобы она даже и не думала доставать тебя дурацкими записками, — решительно сказал Клим.

— Поговори. Я буду искренне рада, если она вообще не будет меня замечать, — сказала в ответ

ему Дуся. — А теперь извини, мне нужно спешить к маме, мы договорились с ней встретиться у почтамта.

— Я провожу тебя до неё, если ты не возражаешь, — предложил Клим.

— Хорошо, а по дороге ты расскажешь мне о себе и своих родителях. Я ужасно любопытна, это, наверное, от того, что я живу в неполной семье, — неожиданно призналась Дуся.

Клим на мгновение задумался, потом принялся рассказывать.

— Моя мама работает преподавателем иностранного языка в мединституте, а отец военный, он служит, как я уже сказал, курсовым офицером в пограничном училище, в котором когда-то учился сам. После Нового года отец уедет служить на Дальний Восток. Уже пришёл приказ о его переводе.

— Значит, ты скоро уедешь?

— Нет, я остаюсь в Алма-Ате. Буду поступать в высшее пограничное командное училище КГБ СССР имени Феликса Эдмундовича Дзержинского, — горделиво сообщил Клим.

— Как страшно звучит название училища, — поёжилась Дуся. — Ты будешь жить в казарме?

— Да, в казарме. Но когда у нас будет свободный выход, то на выходные дни я буду у мамы.

— А разве она не уезжает с папой на Дальний Восток?

— Нет. Мои родители, как и твои, развелись год назад. Отец потому и написал рапорт на перевод к новому месту службы...

— Извини, что я попросила тебя рассказать о своих родителях, — пролепетала Дуся, преодолевая некоторую неловкость.

— Всё нормально. Я уже привык к тому, что они не вместе. Отец сказал, что у матери уже кто-то есть и он тоже военный. При этом папа скрыл от меня, что этот кто-то тоже пограничник и учился вместе с ним на одном курсе.

Дуся задумалась, потупив взгляд.

— А ты, в какой вуз будешь поступать? — спросил её Клим.

— Попытаюсь в театральный, но там конкурс большой — семь человек на место.

— Я не сомневаюсь в том, что ты поступишь. Ты очень красивая девочка, из тебя выйдет хорошая киноактриса, и я буду ходить на все показы кино, в котором ты будешь играть главные роли.

От неожиданного комплимента, прозвучавшего из уст мальчика, Дуся зарделась. Кровь от охватившего её смущения прильнула к лицу, сделав его необыкновенно привлекательным.

— Клим, ты только, пожалуйста, не говори в классе о моём желании, — попросила она его. — Я

не люблю к себе приковывать внимание. Если это случается, то мне хочется провалиться сквозь землю.

Клим улыбнулся ей.

— Будь спокойна. Не скажу, — заверил он её, прощаясь...

Она проводила его взглядом. Куртка и джинсы у Клима были как у многих ребят в их школе, однако в походке чувствовалась уверенность, которая выделяла его из толпы. Дуся даже ему позавидовала.

Может, когда-нибудь я тоже буду также уверена в себе, как Клим, — подумала она.

— Ну, как, дочь, прошёл твой первый день в новой школе, — встретила её вопросом, поджидавшая у входа в почтамт мать.

— Сплошной офсайд, мам...

Мать, озираясь по сторонам, быстро спустилась по ступенькам вниз.

— Что за выражение, Дуся! Не говори так прилюдно.

— Это, мам, не ругательное слово. Иными словами это засада. Других я просто не нахожу...

— Потерпи, дочурка, немного, и всё наладится. Будет также хорошо, как и в твоей старой школе.

— Не будет. На меня все таращат глаза и уже

назвали Дульсинеей.

— Это потому, что ты новенькая и симпатичная. К тому же Дульсиня это не обидное прозвище. Тебя так нередко и твой отец называл.

— А может в их глазах я провинциалка?

Мать улыбнулась.

— Ну, какая ты провинциалка. Посмотри на себя в зеркало. Ты одета с иголочки. Не все городские дети так одеты, как ты...

— Но я одеваюсь по-другому.

— Никто не запрещает тебе одеваться, как они.

— Вот ещё! Тут все поголовно носят узкие джинсы и ботинки на платформе.

— И?

— Не люблю узкие джинсы в них жарко. И как вообще можно носить девушкам грубую обувь? Это кич!

— Так носи что хочешь. Не будь как все. В стаде обыкновенных баранов, попадаютя и каракулевые барашки, — рассмеялась мать.

Дуся закатила глаза. В душе она признавала, что её мать права. Пусть она и не жила в столице, но одевалась, благодаря вкусу и умениям матери хорошо шить на все сто процентов — как девушка с обложки журнала «Бурда моден».

И ей это нравилось.

— А ещё, мам, там очень шумно. Эти

полоумные казахи носятся по коридорам, как дикие животные, и визжат во всё горло.

Мама усмехнулась.

— А русские при этом тихо стоят в сторонке? Вряд ли, они такие же дикие, дети одним словом. Расскажи, лучше, что было хорошего.

— Ну..., познакомилась с приятным парнем, — проговорила Дуся, взяв мать под руку. — Климом или Климентием зовут, как-то так...

— Дуся, ты меня пугаешь. Мы переезжаем в Алма-Ату, я привожу тебя в одну из лучших столичных школ, чтобы ты получила знания и поступила затем в институт, а ты первым делом знакомишься с мальчиком!

— Ты всё не так, мама, поняла. Я сижу с ним за одной партой, поэтому и познакомилась...

— Ладно, я пошутила. Давай зайдём в гастроном, купим продукты, а то у нас в холодильникемышь повесилась.

— Давай! — повеселевшим голосом согласилась Дуся.

ГЛАВА II ШАНС ДЛЯ ДВОИХ

Прошло две недели. К своему удивлению Дуся запомнила уже многих ребят и с лёгкостью

общалась с ними. Она уже начала привыкать к новой школе. С учёбой проблем не было, так как она всегда училась на «хорошо» и «отлично». Чувство одиночества и потерянности прошло, да и присутствие в классе Газизы и «Рыжего», последнего звали Толик, не так угнетало, как это было в первые три дня. Все друзья Клима и подружки, с которыми они дружили, стали теперь её друзьями. Из девочек наиболее близкой к ней была Виолетта, с ней они весёло «трещали» почти каждую перемену. Впервые после отъезда из Актюбинска Дуся почувствовала себя в своей тарелке.

Когда она дома восхищённо рассказала о своих новых школьных друзьях, то мать с удовлетворением отметила, это хорошо, что у неё много друзей. Только престарелая бабушка, посмотрев на внучку с прищуром поверх больших очков, заметила:

— Подруги, внученька, часто бывают ненадёжными и стремятся увести парня. В своей долгой жизни мне довелось видеть немало тому примеров, — принялась рассказывать бабуля. — Так, в деревне, где я жила в раннем детстве, к одной к невестке приехали сваты. Девушка, которую звали Натахой, была необычайно красива: мила лицом, статью хороша, коса ниже поясницы...

Сваты забрали невесту и пошли к саням, а тут

на их беду лошади ни в какую ехать не хотят: встали на дыбы, хрипят, повозку распрягают... Сваты и жених перепугались, и решили, что дело с этой невестой нечистое, надо убираться восвояси...

— Почему дело нечистое, бабушка?

— Да потому что без ворожбы и сглаза тут не обошлось...

— А кто её сглазил?

— Да кто это знает, моя милая внученька. В деревни бабы шептались, что не обошлось в этом деле без ворожбы одной местной бабки, за которой водился такой грешок. К ней якобы накануне приходила одна молодлица, которой тоже был мил натахин жених. Он обещал её взять в жены, но его родители по какой-то причине воспротивились тому...

— А потом эта девочка вышла замуж за другого парня?

— Нет. Она сильно заболела, слегла на второй день, и через некоторое время вообще тронулась умом, стала плохо говорить, из её рта постоянно стала течь слюна...

— Фу, какая грустная история, — молвила Дуся. — Хорошо, что у всех моих девочек есть мальчики, с кем они дружат, — добавила она к сказанному.

— Есть, то есть..., но как оно будет потом неизвестно... — Всё равно, бабушка, я Клима

никому не отдам.

Голос бабушки задрезжал тихим смехом.

— Клим и сам может уйти от тебя, как в своё время он ушёл от Газизы. Мальчики это делают с лёгкостью, такова уж их природа. Подрастёшь, узнаешь о них больше...

— Мама! Зачем ты внучке голову всяким хламом забиваешь? — вмешалась в их диалог мать. — Рано ей знать о таких вещах.

— Вовсе не рано, — шмыгнула носом Дуся. — Газиза первой стала дружить с другим мальчиком, а не Клим с другой девочкой, — не унималась она...

— Ну, не знаю, внученька, кто у них от кого первый ушёл, записку то тебе написала она...

Дуся задумалась. Слова бабушки её огорчили.

— Что мне делать бабуленька? Я не хочу терять Клим.

— Да ничего, внученька, не делай. Будь сама собой и не старайся его захомутать.

— Слово-то, какое — захомутать, — фыркнула Дуся. — Клим, бабуленька, не лошадь...

— Согласна с тобой, что он не лошадь, — усмехнулась бабушка, с трудом сдерживая себя, чтобы не сказать, что он жеребец. — Дело не в этом. Ты, внученька, должна знать одну истину, которая давно подмечена людьми — всё что делается, делается к лучшему. — Не будет у тебя

Клима, подружишься с кем-то другим, так уж жизнь наша устроена... Твой дед, который любил разглагольствовать, на сей счёт, говорил, что никто в этой жизни никому не принадлежит, поэтому никто и никого не может потерять...

— Как мудрёно сказано, но, похоже, что дедушка всё-таки прав, — тихо заметила Дуся.

Следующие несколько недель пролетели ещё быстрее, чем Дуся могла представить, учитывая неловкость первых дней учёбы. Как же мне повезло с Климом, Виолеттой и её другом Владом! — нередко думала она. Они по-прежнему часто проводили время вместе в школе. В школьной столовой их всегда можно было видеть за одним столиком, вчетвером. Учёба тоже шла нормально. Конечно, было трудновато подстраиваться под одноклассников, но Дуся постепенно свыкалась.

И к городу она привыкла. Любимым местом, где они любили все вместе гулять после школы, был Парк имени 28-ми героев панфиловцев. С друзьями она также побывала на «Золотом холме» — горе «Кок-Тюбе». С высот холма им открылся великолепный вид на «Южную Пальмиру», так называлась красивейшая часть Алма-Аты, дома которой утопали в садах, а многие улицы имели фруктовые названия.

— Дуся, тебе звонят! Подойди к телефону! — донёлся голос матери из кухни. — Ты как раз подошла вовремя...

Дуся взяла трубку телефона, недоумевая. Они с Климом только что разошлись, что случилось, почему он звонит?

— Алло, — удивлённо сказала она.

— Привет, Дуся! Это Виолетта.

— Привет, подруга!

— Ты занята?

— Нет.

— Сегодня хорошая погода, хочешь съездить в зоопарк? Влад нас отвезёт, он получил права.

Дуся давно уговаривала мать сходить в зоопарк, но та всегда находила причину, чтобы туда не идти, чаще ссылалась на отсутствие у неё интереса смотреть на животных, находящихся в неволе.

— О, давай, я с удовольствием съезжу с вами в зоопарк! — согласилась Дуся.

— Отлично!

— Уходишь с Климом? — спросила мать, когда Дуся повесила трубку.

— Нет, с Виолеттой и Владом. Они хотят мне показать зоопарк. Можно?

— Конечно, можно, я не против. Ты, наконец-то, от меня отстанешь со своим зоопарком, — рассмеялась она. — Клим мне

нравится, но других ребят из общения не следует исключать, — подумав, добавила она.

Дуся усмехнулась, вспомнив бабушкины толкования насчёт коварства подруг.

— Бабушка на прогулке в сквере? — поинтересовалась у матери она.

Мать тяжело вздохнула.

— Бабушка заболела, — сердце у неё прихватило...

Дуся поспешила в комнату к бабушке.

— Бабуленька, миленькая! Что с тобой? — встревожилась Дуся.

— Да ничего удивительного, внученька, нет. Чёрт рогатый и костлявая с косой весь день на прочность меня проверяют, — отшутилась старая женщина.

— А где твои ангелы, почему они этих тварей не прогнали?

— Смертушка, — она не тварь. Она, дорогая моя внученька, помогает нашему брату на тот свет переправиться, а то мы бы гнили здесь вечность. — Представляешь, какая была вонь от нас всех стояла? — лукаво хихикнула слабым голосом бабуля.

— Ну, и шуточки у тебя, бабушка, — упрекнула её Дуся. — Скажи лучше, как ты сейчас себя чувствуешь?

— Сейчас намного лучше, чем давеча.

Куриный бульончик немножко похлебала — отпустило...

— Ты крепись, моя милая бабушка, не сдавайся! Всё пройдёт, и мы с тобой снова разговоры будем вести разные.

— Будем! — уверенно пообещала бабушка.

С улицы донёлся протяжный гудок автомобиля.

— Это, бабуленька, за мной приехала Виолетта с Владом. Они хотят мне показать зоопарк. Ты не против моей поездки? Если нужно, то я останусь дома, побуду с тобой...

— Езжай, родная, езжай!

Мать, молча, слушала их диалог. Хорошая дочь растёт у меня, — с улыбкой подумала она и мысленно пожелала ей удачи.

Дуся села на заднее сиденье, и Виолетта обернулась к ней.

— Привет! Зоопарк у нас очень даже ничего! Ты будешь в восторге. Мне там нравятся жирафы, недавно у них родился малыш. Прикольно!

Влад высадил их на парковке.

— Я. На автомобильный рынок. Вернусь за вами через два часа.

— Давай, пока! — Виолетта помахала ему рукой на прощание.

— Начнём с хищников. Не возражаешь?

— Как скажешь, я не против, — согласилась

Дуся.

Виолетта повела её к клетке с бурым медведем. Медведь был занят поеданием пищи. От вида окровавленного мяса, составлявшего его рацион, у Дуси к горлу подступил комок тошноты. Она побледнела.

— О, подруга, так ты слабачка! — рассмеялась Виолетта. — Тогда идём смотреть водоплавающих пернатых.

На пруду они сразу подошли к белым лебедям, плавающим у самого берега.

— Какие они красивые! — восхищённо отозвалась о птицах Дуся.

— Ну, и что у вас с Климом? — неожиданно спросила её Виолетта.

Дуся поперхнулась и закашляла.

— В смысле?

— Ну, вы встречаетесь?

— А почему ты спрашиваешь меня об этом? — задала она встречный вопрос.

— Ты ему нравишься. — Виолетта вздохнула. — Хотела бы я понравится ему, хотя бы вполовину твоего!

Дуся удивлённо выпучила глаза.

— Вот как! А разве тебе мало того, что ты нравишься Владу. Вы ведь дружите, не так ли?

— Дружим, но это не то, — призналась Виолетта. — Клим мне сразу понравился. Он ведь к

нам пришёл в девятом классе. Он красивый, сильный. Однажды на школьном вечере, он подошёл ко мне и пригласил меня на медленный танец. Мы танцевали с ним, я чувствовала его руки, как стучит его сердце...

— Виолетта, — прервала её Дуся, — зачем ты мне это всё рассказываешь?

— Не знаю. — Какое время они, молча, смотрели на пернатое хозяйство, кричащее на все голоса и отчаянно хлопающее крыльями. — Я не хочу, чтобы ты чувствовала себя виноватой предо мной, — первой нарушила молчание Виолетта. — Тогда на школьном вечере, он больше ни с кем не танцевал. Он выбрал меня одну из всех. Сейчас Клим увлечён тобой и не замечает меня. Но я хочу, чтобы у меня тоже был шанс. Дай мне его, подруга...

Дуся остолбенела. Что за дурость?

— Ты у Газизы тоже просила шанс? — нашлась она.

Виолетта покосилась на неё. В её глазах заиграли недобрые огоньки.

— Ты считаешь себя его девушкой, Дуся?

— Не знаю. Может быть...

— Но ведь вы даже не целовались. Или целовались?

— Ты задаёшь очень странные вопросы, Виолетта, — уныло пробормотала Дуся.

— Ну, скажи, пожалуйста, для меня это очень важно.

Дуся покосилась на неё.

— Ничего, Виолетта, я тебе не скажу, — резко сказала она. — Думай, что хочешь. Знай только, что шанс я у тебя не отнимала, он у тебя есть... — Никто никому не принадлежит, — вспомнила она вдруг бабушкины слова.

Виолетта удивлённо посмотрела на неё.

— Не обижайся на меня, Дуся. Ты хорошая, девочка, ни такая как большинство девчонок в нашем классе. Я не хочу потерять подругу...

Дуся пожалала плечами.

— Может быть, и не потеряешь. Я не уверена в этом. А сейчас я иду домой, мне расхотелось смотреть животных, — сказала она и зашагала в обратную сторону.

— Дуся! Не уходи!

— Передай Владу, что у меня разболелась голова, домой я доберусь на автотранспорте...

Придя к себе в дом, Дуся прямиком поспешила в комнату к бабушке, ей нестерпимо хотелось поделиться с ней содержанием разговора с Виолеттой.

— Бабуленька, как же ты была права, — воскликнула она, завидев её. — Подруги действительно бывают недобрыми.

— Что случилось внученька, на тебе лица нет, ты вся раскрасневшаяся?

— Виолетта хочет, чтобы я не встречалась с Климом, так как он нравится ей, — выпалила сходу Дуся, а уж затем подробно рассказала обо всём.

Глубокие морщины на лице её бабушки поползли от удивления вверх.

— Вот ёксель-моксель какая незадача, — запричитала она. — Чтоб этой Виолетте сметаной подавиться!

Дуся рассмеялась.

— А вдруг Виолетта и впрямь сметаной подавится. Тогда нас, бабушка, как заклинателей на костре сожгут, — повеселевшим голосом пошутила она.

— Не подавится она, я ведь просто так сказала, не со зла, потому как знаю, что зло всегда возвращается злом к тому, кто его желал. Особенно нельзя проклинать младенца в чреве матери. Это страшный грех, который в будущем обязательно аукнется большими неприятностями.

— Почему?

— Младенца этого охраняют ангелы-хранители — это вселенский закон, согласно которому господом нашим и организована человеческая жизнь. — Запомни это, внученька, и никогда не желай зла другому, ибо счастья тебе это не принесёт, а зло бумерангом возвратится к

тебе, — заключила бабуля свою длинную тираду.

Вечером Дуся позвонила Климу.

— Клим, ты не обижайся, но я хочу пересесть за другую парту.

— К кому? — с трудом продавил комок в горле Клим, — почему ты уходишь? — тут же вслед добавил он.

От этих слов Дусе стало не по себе. Ей доводилось слышать что-то подобное, когда расходились её родители. Ей хотелось честно рассказать Климу о своём разговоре с Виолеттой, но её останавливало, что он может вспылить и устроить с ней ненужные разборки, поэтому она решила слукавить.

— У меня возникли проблемы со зрением, — сказала она. — Сегодня я была у врача-окулиста и он сказал, что помимо глазных капель, выписанных им, мне нужно поменять место в классе и перейти на другой ряд.

— Зачем это? — недоумённо протянул Клим.

— Чтобы видеть классную доску под другим углом зрения. Я все годы сидела только с правой стороны и у меня неправильно сформировано зрение. Мне нужно пересесть на левый ряд.

— Но на левом ряду есть только одно свободное место — парта, за которой сидит Газиза.

— Делать нечего, я попрошусь к ней...

— Но она точно будет против, — хмыкнул Клим. — Хотя, впрочем, у вас девочек, всё решается по-другому...

— Вот, именно, по-другому. Скорее будет рада, что я уйду от тебя. Она будет считать это своей победой надо мной. — Ты ведь с ней так и не поговорил в отношении её записки? — вспомнила вдруг Дуся.

— Не поговорил..., — виновато пробормотал в трубку Клим.

— Ладно, Клим, не парься на сей счёт! Это я так спросила, — пошла ему на встречу Дуся.

— Хочешь, я завтра же с ней поговорю в отношении её писанины, — выказал свою готовность он.

Дуся задорно рассмеялась.

— Нет, Клим, не надо! После твоего с ней разговора она вообще со школы убежит. Мне такие жертвы не нужны...

— Может быть, мне с ней по-доброму поговорить, чтобы она разрешила тебе сесть с ней за одну парту?

— Клим, ты в своём уме? Подумай, хорошенько, какая у неё будет реакция?

— А какая? Нормальная будет реакция, — отмахнулся Клим. — Если заартачится, то я напомню ей про записку...

— Ну вот, мы и приплыли снова к этому же

берегу, — сожалением в голосе сказала Дуся...

— Ладно, поговори с ней сама, — согласился Клим.

Разговор с Газизой Дуся не стала откладывать в долгий ящик и уже утром следующего дня она подошла к ней.

— Газиза, ты не будешь против, если я сяду за твою парту? — спросила она её.

У Газизы на мгновение округлились от удивления глаза.

— А Клим, он как? — задала она дурацкий вопрос.

— Не знаю, — пожала плечами Дуся, — если хочешь, то можешь сесть к нему, — неожиданно для себя предложила она Газизе.

Дуся понимала, что такое её предложение может не понравиться Климу, но решила, что она, таким образом, предоставляет шанс не только Виолетте, но и Газизе. Пусть девочки теперь выцарапают глаза друг другу, а её оставят в покое, в десятом классе есть дела и поважней, чем мышьяная возня на любовном фронте — это подготовка к сдаче госэкзаменов.

— Знаешь, а я не буду против того, чтобы ты села со мной, — не скрывая радостные нотки в голосе, согласилась Газиза.

— Ну вот, и хорошо! — облегчённо вздохнула

Дуся, — сейчас я перетащу к тебе свои вещички...

Переход Дуси на другую парту стал предметом живого обсуждения у её одноклассников на первой же перемене. Для многих из них это был полный шок, так как из общественной памяти класса ещё не стёрся буйный пересуд недавнего разлада в паре Клим — Газиза. И тут Клим, общепризнанный красавчик в классе, терпит очередное фиаско в отношениях с девочкой из провинции, которую, как сказал рыжий Толик, заарканить, как два пальца замочить.

Ай, нет! Дуся Тобольская оказалось не только красивой девочкой, но и с твёрдым характером, который был не по зубам даже Климу.

Первой к Дусе подошла Виолетта.

— Спасибо тебе, Дуся, — тихо пробормотала она, потупив взгляд.

Дуся усмехнулась. Желания общаться с Виолеттой у неё не было никакого, но и ссориться с ней в её планы не входило. Так вообще можно остаться без подруг.

— Это твой шанс, о котором ты просила, — а сейчас извини меня, мне нужно в туалет...

Прошли ещё две недели. Как-то в среду Дуся вышла из лингафонного кабинета и чуть не врезалась в Клима.

— Прости, — извинился он, одной рукой

придержав её за плечо.

— Ничего особенного, мне самой нужно быть внимательней, — сказала ему в ответ Дуся.

Они взглянули друг другу в глаза. Дуся застенчиво улыбнулась и тут поняла, что загораживает Климу дорогу.

— Ой, извини! — Она шагнула в сторону.

— Дуся, я вообще-то тебя искал. — Клим явно робел. — Я просто хотел спросить... может, погуляем сегодня вдвоём в парке? Если ты не против, конечно.

— Я за.

— Правда?

— Правда, — улыбнулась Дуся.

— Классно! — Клим посмотрел на запасный выход в конце коридора. — Выйдем через него, чтобы злопыхателям на глаза не попасться...

В парке было немногочисленно. Под ногами шуршала листва. Погода не располагала к прогулкам. Солнце безуспешно пыталось пробить брешь в плотной занавеси кучевых облаков, несших в себе запоздалые дождевые осадки, в которых так нуждалась изнурённая жарким летом фауна парка.

— Пойдём, я знаю тут неподалёку беседку, — сказал Клим, положив руку ей на поясницу.

— Пойдём, — согласилась Дуся.

Она с удовольствием вдохнула осеннюю

прохладу, её не пугала грядущая непогода. Рядом с ней был Клим, она чувствовала его тёплую и крепкую руку, слегка обнимавшую её талию, и больше ничего. Ощущение было волнительное и одновременно успокаивающее.

Заморосил дождь, но они не спешили укрыться от него. Клим прижал Дусю к себе и погладил её волосы. Она приникла к его груди, стараясь дышать ровнее.

Он потерялся об неё колючей щекой, на которой уже пробивалась редкая щетина, и кончиком носа провёл вдоль скулы. Мягкие губы скользнули по лбу, и её спина тут же покрылась мурашками. Веки открылись по собственной воле, и все мысли исчезли в океане его карих глаз.

Клим едва ощутимо коснулся её губ, и Дусю захлестнула невероятная волна тепла — такое она испытывала впервые. Она не пошевелилась, и Клим поцеловал её уверенней. В мгновение ока он стал частью бушующего внутри Дуси шторма: она обвила его руками...

Сколько длился их первый поцелуй — секунды или минуты, — Дуся не знала: время исчезло, пока Клим прижимал её к себе и окутывал своим нежным теплом...

Наконец он отпрянул, жадно глотая воздух.

— Прости меня, — шепнул он. — Я так этого хотел...

— Я тоже, — тихо сказала она. — И тогда он — склонился над ней с новым поцелуем.

В последнюю секунду она покачала головой.

— Клим? А как Газиза и Виолетта? — Я не могу, Клим. Столько всего происходит вокруг нас...

Он медленно отстранился и долго молчал, а потом едва слышно проговорил:

— Тогда я подожду, когда ты сможешь не думать о них, когда мы рядом.

— Проводи меня до дома, — тихо попросила его Дуся.

— Конечно, провожу...

— Мам! — позвала Дуся, входя в дом.

— Что случилось, дочь, ты такая бледная?

— Мы гуляли с Климом в парке...

— Под дождём? Ты вновь возобновила с ним дружбу?

— Но мы и не ссорились, я просто на некоторое время отошла в сторону, чтобы посмотреть, что будет.

— И что было?

— Сегодня был первый поцелуй, — неожиданно призналась матери Дуся.

— Ох! — вздохнула громко мать. — Кабы беды не было... Вы теперь пара?

— Не знаю, — честно призналась ей Дуся.

— Не теряй, дочь, пожалуйста, голову.

— Не беспокойся мама, у тебя умная дочь.

— Это я знаю, — улыбнулась мать. —

Проходи на кухню, будем кушать.

Мать не стала делать из мухи слона, она понимала, что ничего удивительного нет в том, что её дочь станет встречаться с парнем. Такова жизнь!

— Мам...

— Что?

— А во сколько лет ты стала встречаться с папой?

— Вот, ешь, — сказала мать, поставив тарелку с едой перед Дусей. Она сознательно пропустила вопрос дочери мимо ушей. Ей не хотелось признаваться в том, что встреча с её отцом была ошибкой молодости. Этот человек оказался в жизни совсем не таким, каким она его представляла, и после десяти лет совместной жизни, наполненной скандалами, и они расстались.

Несмотря на то, что мать не ответила на её вопрос, Дуся знала, что отец был вдвое старше матери. Шекер, так её звали отца, был немолод и эгоистичен, и никто из его чужеродной родни, так до конца и не понял, почему завидный для многих казахских девушек жених, вдруг решил жениться на русской бесприданнице, пусть и общепризнанной красавице.

Мотивы невесты, с точки зрения элиты

казахского общества, объяснялись проще: избранник был достаточно богат, чтобы ей жить в своё удовольствие. Все пришли к однозначному выводу — Елена Тобольская, удачно выскочила замуж.

Но все они ошибались относительно её матери. Мать вышла замуж не из-за денег и не из честолюбия. Она была весьма романтической девушкой, и образ жизни геолога, который вёл Шекер, показался ей истинным воплощением романтики. Что может быть увлекательнее походной жизни — любований красотами природы, ночевок в палатке под открытым небом?

Дуся ела медленно, поглядывая на мать и ожидая, что та ответит на её вопрос. Но та лишь молча мыла посуду, и, ни разу не посмотрела в её сторону. Дуся почувствовала, что своим вопросом задела мать за «живое»; доев, она поблагодарила её и вышла из кухни.

ГЛАВА III КРОВАВЫЙ «ЖЕЛТОКСАН»

Клим развёл в стороны руки и несколько раз прогнулся, разминая затекшую спину. Был его любимый вторник — день факультативов по кафедрам. Факультативы были дополнительными занятиями и проводились в алма-атинском

пограничном училище, где он учился уже четвёртый месяц, за час до ужина сразу же после самоподготовки. Курсовые офицеры проводили их почему-то не всегда, за исключением занятий по физической подготовке, которые были просты по организации. Личный состав учебной группы выходил на стадион, командир взвода давал команду «Старт!» и включал секундомер...

Факультатив по информатике, который был запланирован на этот день, также как и на прошлой неделе, не состоялся, и все были предоставлены сами себе: кто письма писал родным, а кто просто-напросто спал, положив голову на стол. Он же читал статью «Геофизическая война» в журнале «Военное обозрение». Эту статью в журнале прочли уже многие курсанты в группе, и вот, наконец, журнал попал и к нему в руки.

Статья вызвала у Клима противоречивое чувство, потому как возникли вопросы, на которые никто не мог дать ответ. Автор, ссылаясь на достоверные источники, утверждал, что американцы ведут разработку геофизического оружия, способного разрушить озоновый слой над территорией противника, вызвать цунами, землетрясения, тектонические разломы земной коры, уничтожить ракеты противника, путём перегрева их электронных частей.

Но вот, есть ли что-то подобное в СССР, автор

умолчал, и это был главный вопрос, который тревожил не только Клим, но и всех его друзей.

Тогда никто из них даже предположить не мог, что главная угроза для их родины исходила не от геофизического оружия, идеи которого вынашивались в воспалённых умах заокеанских учёных. Эта угроза вызревала совсем рядом, в умах потомков тех, кто некогда создал их великую страну, формировал её величие, защищал её на фронтах Великой Отечественной войны. Эти заблудшие души, в их числе откровенные предатели Родины, начнут с объявления о перестройке, в основу которой положат ценности чужеродной духу советского человека западной культуры. Затем развалят экономику и вооруженные силы собственной страны, а позже в Беловежской пуще подпишут соглашения, которые законодательно утвердят развал СССР, некогда великой и могучей державы...

— Парни! — раздался возглас его друга Аби Омарова, сидящего на предпоследней парте, — скажите, когда мы празднуем день чекиста?

— Жиырма желтоксаннын, — ответил ему Клим на казахском языке, и тем самым вызвал у всех оглушительный хохот.

До 20-го декабря оставалось четыре дня. Курсовой офицер на вечерней поверке объявил, что на день ВЧК-КГБ в клубе училища будет показан

фильм «Семнадцать мгновений весны», а перед его началом, возможно, состоится встреча с киноактером Вячеславом Тихоновом, сыгравшим роль Штирлица, на которой он будет раздавать автографы. Также офицер сообщил, что на встречу с ним пойдут лишь отличники боевой и политической подготовки от каждого курса, так как клуб небольшой и не вместит всех желающих увидеть вживую столь обожаемого в стране киноактёра.

Многих эта новость обрадовала и одновременно огорчила, так как шанс попасть в заветный список был невелик. Однако никто не унывал, памятуя о том, что надежда умирает последней. Не унывал и Клим, он, как и его друзья, раздобыл фото актёра, и теперь перед ним стояла задача — получить от него заветный автограф. Обращение к отцу относительно автографа, успеха не имело, тот, не объясняя причины, сразу пошёл в отказ. Тогда Клим ещё не знал, что эту проблему вскоре возьмётся решить заместитель командира его дивизиона, как выяснилось позже, тот начал встречаться с его матерью.

С Дусей они не виделись почти месяц, так увольнения в город были запрещены из-за карантина, наложенного в связи гриппом. Курсанты недоумевали, какой грипп, если нет ни одного простуженного. Дело было явно в другом, но об

этом их отцы-командиры предпочитали молчать. Однако шила в мешке не утаишь, оно рано или поздно вылезет наружу. Так и случилось.

На следующий день после обеда внезапно объявили команду «Сбор» на училищном плацу: с оружием, вещмешками, противогАЗами и сапёрными лопатками.

Их дивизион в числе последних прибыл на плац. Тем не менее, стоять им пришлось всё равно долго. Крепкий морозец заставил всех без исключения пританцовывать в строю. Курсантская шинель не грела никого, да и как она могла согреть, если у неё не было тёплой подкладки, таким же куцым был и воротник. К тому же мёрзли ноги, обутые в юфтевые сапоги.

Неожиданно разрешили курение на заднем фланге, чем окончательно обескуражили всех. Клим вообще-то не курил, но в данном случае от сигаретки не отказался.

Прошло ещё около получаса. Наконец-то, на трибуне появился начальник училища. Он окинул строй взглядом, после чего прокашлялся в микрофон. Голос генерала был предельно резким, от его слов, бросило в дрожь.

— Товарищи! — сказал он, не разделяя строй по воинским званиям, как то требовал устав. — Климу в это мгновение почему-то вспомнились слова былинного князя Святослава к своему войску.

Братцы! — сказал тогда князь, — не посрадим земли Русской! — В столице Казахстана, — сказал генерал, — начались массовые протесты против коммунистической власти. По данным министерства внутренних дел республики застрельщиками экстремизма явились студенты театрально-художественного института и института иностранных языков. К ним примкнули и другие.

Ряды бунтовщиков множатся ежечасно, их уже несколько тысяч, все они, вооружённые металлическими трубами, цепями, заточками, штырями, арматурой, кольями и камнями. Они уже вышли на площадь к зданию Центрального комитета республики и намереваются штурмовать его. Этого мы не должны допустить! Москва приняла решение о введении в столице системы «Метель»...

У Клим похолодело внутри. Не может быть. В театральном институте учится его Дуся...

— Всем быть в полной готовности! Подразделениям находиться в казармах, командирам дивизионов подготовить строевые записки, — сказал генерал, в завершении своего выступления.

Все разошлись по казармам. Клим аккуратно сложил снаряжение у прикроватной тумбочки, автомат поставил в пирамиду. Вскоре пришёл отец. У него в подчинение взвод курсантов четвёртого

курса, им объяснять много не нужно, да и умеют они несравнимо больше, чем первокурсники, не говоря уже об уровне их физической подготовки.

— Пап, то, что сказал начальник училища, это действительно так, или он накрутил? Что нужно этим агрессивно настроенным студентам, вооружившимся палками и прутьями из арматуры? Неужели они собираются захватить здание Центрального комитета компартии Казахстана? Ведь это может привести к гражданской войне и развалу страны?

— Может, сын, всё может быть. Обстановка более чем серьёзная. В Москве прошёл Пленум Центрального комитета компартии, на нём сняли первого секретаря ЦК Динмухамеда Кунаева и назначили Геннадия Колбина. Казахам это не понравилось и похоже на то, что они хотят свергнуть его, — сказал отец.

От того, что сняли Кунаева, на душе у Клима стало теплее. Он ещё не забыл семейку Байжановых, которая хотела упрятать его за решётку, за драку с их отпрыском Аскарком. И упрятала, если бы за него не вступился начальник училища...

— Кунаеву и его прихвостям так и надо! — не сдержался в резкой оценке Клим.

— Сын, придержи язык за зубами, — сухо сказал отец. — Не дело военного человека лезть в

политику. У него есть главный аргумент к действию — это воинский устав и приказ командира, а подобного рода разглагольствования — удел гражданских лиц.

Подошли друзья Клима, которые хорошо знали, что офицер, с которым сейчас беседует их друг на площадке спортивного городка, капитан Максим Ломакин, его отец.

— Кто такой Колбин? — первое, что спросили они. — Про Кунаева мы знаем, — сказал кто-то из друзей Клима, — его бюст стоит на Старой площади, он что-то строил, что-то осваивал, а этот? — И тут же следующий вопрос, а правда ли, что студенты и все те, кто вышли на площадь обкуренные?

Отец посмотрел на Клима и усмехнулся. Понятно. Что тут поделаешь, если это действительно волнует молодёжь. У него во взводе настроения совершенно другие — его парни рвутся в бой, они настроены на драку и уверены, что всем, кто попытается пройти их кордон, мало не покажется...

— Геннадий Колбин был первым секретарем Ульяновского обкома компартии, — сказал им Максим. — Про обкуренных казахов, мне ничего неизвестно, хотя предположить можно, ведь многие из них любят задурить себе зельем голову...

— А Колбин русский? — последовал

уточняющий вопрос.

— А какая разница, казах или русский? Главное ведь, чтобы человек был хороший. Руководство страны решило поставить его...

— А те, казахи, которые вышли на площадь, тоже так считают?

Отец Клима укоризненно покачал головой.

— Умеете вы, парни, задавать непростые вопросы, — усмехнулся он. — Мой ответ — они вряд ли так считают. Но, несмотря на это, мы должны быть готовы пресечь возможные с их стороны погромы и бесчинства. А такие попытки обязательно будут, на это указывают экстремистские листовки, которые уже активно распространяются в молодёжной среде...

По селектору прозвучал сигнал «Тревога. Сбор!». Увидев бегущего посыльного из своего подразделения, Максим спешно распрощался с Климом и его друзьями и быстрым шагом направился в свою казарму.

— Береги себя сын! Не лезь зря на рожон! — бросил он ему на прощание.

— Ты тоже, папа, береги себя!

По прибытии в дивизион Максим выяснил, что к месту событий — на Брежневскую площадь едет только четвёртый курс, а остальные в резерве.

Это правильно! Нечего молодёжь толкать в пекло, — с одобрением подумал он о решении, принятом начальником училища.

Но то, что оружие и снаряжение предписывалось не брать, не понравилось никому — ни курсантам, ни их командирам.

— Почему, товарищ капитан, форма одежды у нас повседневная? — роптали его подчинённые. — Бунтари с ломami и арматурой, а мы с голыми руками?

Максим не нашёл лучшего, чем сказать им:

— Начальству видней...

Хотя в его подсознании мелькнуло, а может командование до конца не верит, что возможен и трагичный исход происходящего.

В отличие от него, его близкий друг Николай, командир второго взвода, откровенно был возмущён этим решением вышестоящего командования.

— Зря мы никакого снаряжения не берём, — заявил он. — Кишками чувствую, что у казахов будут ножи, заточки и арматура. Они, как только увидят, что пустили нам первую кровь, остановить их будет трудно...

— К машинам! По местам! — послышался раскатистый голос командира дивизиона.

Колонна ЗИЛ-131, вытянувшись в цепочку, выехала за ворота контрольно-пропускного пункта.

Менее чем через полчаса колонна грузовиков с курсантами въехала на площадь Брежнева со стороны здания ЦК.

— Повезло нам, товарищ капитан, что объездные дороги не были забиты народом. Если мы с вами поехали бы по центру, то там нас попросту могли не пропустить, — сказал ему водитель ЗИЛа.

Максим поразился. Он никогда не видел здесь столько людей, вся площадь перед зданием ЦК и прилегающий к ней проспект были забиты молодёжью.

Первая линия оцепления, состоящая из сотрудников милиции, стояла по рубежу правительственной трибуны, у самого края площади.

— Посмотрите, товарищ капитан, экстремистская молодёжь милицию снежками забрасывает, — обратил его внимание замкомвзвода старший сержант Астапенко. — Может быть, мы сюда зря приехали, они просто решили в снежки поиграть, — рассмеялся он.

Максим хотел тоже сказать что-то в этом роде, но тут разглядел, что это не снежки, а куски белого мрамора, оторванные от облицовки фонтанов, которые непрерывно летели в сторону милиционеров. От ударов этих «снежков» из милицейского оцепления один за другим выпадали

сотрудники с рассечёнными головами.

— Разуй глаза, Астапенко, это не снежки, а куски белого мрамора.

— Я уже сам понял, что это не снежки, товарищ капитан...

Комбат отдал команду рассредоточиться, занять позиции в шеренгах по всему периметру здания ЦК.

Взвод Максима занял позицию у центрального входа. Началось нервное противостояние. Национал-демократы агрессивно размахивали плакатами, которые гласили: «Требуем самоопределения!», «Каждому народу — свой лидер!», «Не быть 37-му году!», «Положить конец великодержавному безумию!».

Людское море улюлюкало, свистело и издавало звериные рыки. Камни летели всё чаще, толпа всё сильнее напирала на первую линию оцепления. Милиция и солдаты внутренних войск изо всех сил сдержали натиск. Но надолго ли?

Прав был Николай, говоря, что не дело сдерживать разъярённую и вооружённую толпу голыми руками, — с досадой подумал Максим.

С трибуны вещал начальник училища, пытаясь урезонить толпу. В ответ на его призывы полетели камни...

— Если, не прекратите беспорядки, то я спущу на вас пограничников, — в гневном запале

прокричал он.

От этих генеральских слов на душе у Максима стало тоскливо. Покоробили его слова «спущу пограничников». К тому же в неравной драке против набирающей силу толпы вероятность потерять кого-либо из подчинённых была высока и это его сильно удручало.

Послышались сигналы подъехавших машин. Привезли малые сапёрные лопатки и шлемы. Настроение у защитников здания ЦК резко скакнуло вверх. Курсанты быстро разобрали снаряжение...

Камни продолжали лететь, агрессия толпы набирала обороты, становилось всё нервознее.

Подошёл Николай, он был весь на взводе.

— Помнишь, я говорил, что нельзя ехать разгонять толпу голыми руками?

— Помню, Коль, твои слова.

Нерешительность командира — враг номер один.

— У меня есть, Максим, информация, что из Тбилиси прилетел тюремный спецназ — огромные усатые дядьки, в белых касках с забралами, с резиновыми дубинками, противоударными щитами, и в милицейских шинелях. Сейчас мы ожидаем прибытие оперативных резервов внутренних войск из Кара-Кемир и Ташкента, а потом пойдём в атаку. Курсанты пожарного училища и школы милиции тоже в деле. И ещё. Курсантам общевойскового

командного училища повезло меньше, чем нам. Их «уралы» на подъезде к площади были блокированы бензовозами, почти во всех машинах экстремисты выбили стёкла, но им всё-таки удалось прорваться. Много курсантов ранено. У них четвёртый курс на стажировке, в переделку попали молодежь...

— Во, сволочи! — выругался Максим. В его душу закралась тревога. В казарме остался его сын с товарищами, которых тоже могут бросить в это пекло, как и этих молодых курсантов из общевоинского училища.

— Забыл ещё сказать, — спохватился Николай, — на подступах к Алма-Ате создана крупная группировка в несколько десятков тысяч военнослужащих из состава частей Среднеазиатского, Московского, Ленинградского и других военных округов. С моря Актауская бухта и подходы к ней блокированы кораблями и катерами Каспийской военной флотилии. Так что национализм в Казахстане не пройдёт, мы его раздавим...

— Похоже, что обстановка назревает серьёзная, раз такие силы задействованы, — заметил Максим. — Кстати, откуда это тебе стало известно?

— Ты, наверное, забыл, что у меня дядя полковник в политотделе МВД, — напомнил ему Николай. — Я только что встречался с ним.

— Понятно, — хмыкнул Максим. — И тут же поправил себя, — нихрена мне непонятно. — Что мешало Москве поставить на должность кого-либо из местных, к примеру, Назарбаева или Мендыбаева. Они только, что вещали в микрофон, видно, что мужики умные, один председатель совета министров республики, другой — первый секретарь обкома партии. — А так зальём площадь кровью, поломаем человеческие судьбы в борьбе за чужую правоту, а потом признаем и будем сожалеть о том, что так поступили, — с горечью в голосе констатировал он.

— Насчёт того, будем ли сожалеть, не знаю, человек порой бывает той ещё скотинкой, — иронично заметил Николай.

— Ты прав, Колян, — согласился с ним Максим. — Впрочем, и казахов понять можно. У них обида на Москву живёт ещё со времён Хрущёва. Мне один старый казах поведал, что когда Никита Сергеевич Хрущев приехал в Казахстан, то воскликнул с трапа самолета: «Пламенный привет узбекскому народу!».

Николай рассмеялся.

— Что тут скажешь. Хрущев — тот ещё фрукт! Он однажды про Албанию сказал, что там крестьяне меньше хлеба едят, чем у нас мыши на полях. В результате мы для албанцев стали врагами на долгие годы.

— А может быть всё это байки?

— Ну, не знаю, — сказал Николай. — Мне так не кажется. Взять, к примеру, наши отношения с Китаем. Хрущев рассорился с Мао — «красным солнышком» из-за объявленного им культа личности Сталина. И что в результате? А в результате, конфликты на границе и гибель наших парней на реке Уссури в марте 1969 года.

— Замечу, что потери китайцев там были немалые — около шести тысяч убитыми положили нашими «градами», — заметил Максим.

— Да уж, — протянул Николай, — роль первого лица в жизни нашего общества не пустой звук. Придёт в его голову какая-либо воинствующая дурь, и полетели головы его верных холопов, — с сарказмом заметил он.

Николай ушёл. Максим внимательно посмотрел на своих парней. Лица сосредоточены, взгляды направлены в сторону разбушевавшейся молодежи. Интересно, какие мысли сейчас роятся в их головах, — подумал он.

Толпа, тем временем, заметно поприбавила в численности и принялась активно бесноваться. Подогнали пожарные машины и начали метателей белого мрамора, разламывающих облицовку фонтанов, сбивать струёй воды из брандспойтов в ямы фонтанов. По телу Максима пробежали

мурашки, он отчётливо представил себе насколько холодно должно быть им. На улице было не то чтоб совсем холодно, но морозец ощущался...

Стемнело. С трибуны нескончаемо велись уговоры, один за другим сменялись ораторы. Они призывали молодёжь вернуться на свои учебные и рабочие места, но все их увещания и посылы не увенчались успехом, зато дали результат призывы подстрекателей — число погромщиков кратно увеличилось. Их критическая масса вызрела, и они с оголтелыми криками бросилась на штурм здания ЦК. Завязалась драка с милицейским оцеплением и солдатами внутренних войск. В ход пошли колья, арматура, камни, солдаты в ответ применили ремни и дубинки. Попытки усмирить толпу оказались безрезультатными. По цепочке передали, что зверски убит дружинник — работник местного телевидения, тяжело ранен майор милиции...

Прибежал посыльный от комдива.

— Приказ командира дивизиона. Всем приготовиться к атаке, — объявил он. — Начинаем, когда включат прожектора. На позициях нас сменит третий курс...

По курсантским шеренгам прокатился гул одобрения. Им надоело многочасовое противостояние — это было не в их духе.

— Парни, приготовиться к атаке! Будем очищать площадь! Действовать решительно, себя и

своих товарищей в обиду не давать! — отдал команду Максим.

— Наконец-то, — слышались одобрительные возгласы его подчинённых. — А то нам пора уже в кочку, — пошутил кто-то. Курсанты принялись разогревать все части тела к предстоящей схватке с многочисленным противником.

Площадь осветили училищные АПМ-90 — автомобильные прожекторные станции. В ответ протестующие подожгли в разных местах несколько автомобилей, в их числе пожарную машину.

Языки зловещего пламени от горящих автомобилей высвечивали из темноты явно недружественные оскалы людских лиц. Пожар противостояния разгорался...

По улицам справа и слева от площади начали выдвигаться атакующие группы милицейских резервов, грозно постукивая палками в пластиковые щиты.

— Дивизион, вперёд! — донёсся голос командира дивизиона.

— Взвод, вперёд, — продублировал команду своего старшего начальника Максим.

Курсанты шли, молча, угрожающе размахивая сапёрными лопатками. На них с истошными криками и пронзительными свистами набросилась

наиболее агрессивная часть протестующей молодёжи, в руках которой были камни, арматура и ломы.

Максим видел, как на левом фланге ожесточённо отбивались от нападавшей толпы четверо его курсантов, вставшие спиной друг к другу. У одного из курсантов был разбит шлем, и струйка крови стекала по его щеке. С пятёркой курсантов, входящих в его личный резерв, он бросился на помощь к ним. Помощь была своевременной. Над раненым курсантом, опустившимся на колени, озверевший бандит, крепкого телосложения, замахнулся в очередной раз ломом. Удар сапёрной лопаткой, в который Максим вложил изрядное количество злости, превратил бандитскую руку в безжизненную плеть. Огромный детина завопил от боли белугою, лом выпал из его рук и он опустился рядом с раненым курсантом на колени...

Максима окружили несколько студентов с палками. Для их вразумления ему не потребовалась сапёрная лопатка. Двигаться он умел очень быстро. В считанные секунды двое молодых казахов были сбиты с ног мощными ударами его кулаков.

Получив отпор, нападавшие обратились в бегство, цепочка на фланге была восстановлена. У других дела обстояли намного лучше...

Вскоре толпа под жёстким натиском

пограничников начала быстро покидать площадь. В работу включился спецназ МВД, его люди группами врывались в толпу, выхватывали наиболее агрессивных демонстрантов и грузили их в «автозаки». Через час площадь была полностью расчищена.

Максим перевёл дух и огляделся. Площадь производила тяжкое впечатление: разбитые машины, следы пожаров, камни, разбросанные палки, колья, сожжённая, ещё дымящаяся пожарная машина.

С докладом подошёл замкомвзвода старший сержант Остапенко.

— Товарищ капитан, у нас шесть человек легкораненых, у одного курсанта пробита голова, всем им уже оказана медицинская помощь. — Во втором взводе, у вашего товарища, — добавил он, — дела обстоят хуже — двое тяжелораненых.

— Спасибо, Василий, — поблагодарил своего подчинённого Максим. — Будем ждать команды комдива.

На площади неожиданно появилась миловидная казахская девчушка, лет восьми. Она ехала на скейтборде, и, разогнавшись, неожиданно наскочила на одного из курсантов.

Девочка распахнула глаза и выдавила: «Ой, простите, пожалуйста, а потом улыбнулась, да так, что всё её лицо просияло. Пострадавший поневоле

улыбнулся ей в ответ, потирая ушибленную голень.

— Вы знаете моего старшего брата, курсанта-пограничника Аббаса Кусаинова? — спросила его девчушка. — Моя мама тревожится, что его могут здесь поколотить.

— Нее, — протянул курсант, — но я сейчас узнаю. — Кто знает Аббаса Кусаинова? — прокричал громко он.

Выяснилось, что её брата на площади не было, так как он учится на первом курсе, в одном дивизионе с Климом. Девочка поблагодарила всех, присела в глубоком книксене и покатила дальше. Вслед ей раздались восторженные хлопки курсантов.

Девчушка обернулась и помахала им в ответ рукой.

ГЛАВА IV

ПОЖАР

Максим облегчённо вздохнул — наконец-то пришёл долгожданный перевод к новому месту его службы. Этим местом, как он и хотел, явился Дальний Восток, а конкретнее, остров Сахалин. Уже после новогодних праздников он должен убыть в Тихоокеанский пограничный округ, в город Владивосток. Эта новость приятно тешила и согревала его душу. После развода с женой он

только и мечтал, чтобы уехать служить подальше от Алма-Аты. Остров Сахалин, по его мнению, был именно таким местом. С сыном проблем у него было, Клим был пристроен, учился хорошо, занимался спортом, сохранил нормальные отношения с матерью. Ну, и наконец, имел подружку, что для молодого человека, находящимся на казарменном положении было делом весьма важным.

Максиму оставалось заказать билет, собрать вещи, отправить багаж и накрыть стол для прощального ужина со своими друзьями и коллегами...

День чекиста, о котором так много говорили в пограничном училище, в связи с ожидаемым приездом «Штирлица», ушёл в небытие. Причиной тому явились новые волнения среди молодёжи на национальной почве, но уже в Караганде. Как и в столице, бузить там стали студенты нескольких вузов. Пограничное училище вновь перевели в режим «Постоянная боевая готовность»...

Клим к переводу отца отнесся спокойно, ибо это событие было ожидаемым. Также спокойно он отнёсся и к тому, что столь желанная встреча с известным актером кино не состоялась. Единственное, что огорчало его и его друзей, это то, что их курсу не удалось поучаствовать в

подавлении экстремистского мятежа. Их вовсе не смущал тот факт, что госпиталь и медсанчасть были забиты курсантами старших курсов, получившими ранения и увечья в ходе стычек с экстремистами. Все они, в их глазах, были героями.

Максим с пониманием отнёсся к этому. Понятное дело, молодёжь, — сам когда-то был таким. Им только предоставь возможность ободрать свои кулаки в потасовке с противником, а для чего и во имя чего, этого вопроса у них не возникнет. Главное для них это — НАДО! Как тут не вспомнить западных психологов Лоренца и Мюррея, а также их сподвижников, утверждавших, что человек драчлив по своей природе.

Иное дело с оценками произошедших событий обстояло в офицерской среде. Если вначале у курсовых офицеров, так же, как и у их подопечных, преобладали воинствующие настроения, то позже оно круто поменялось. Это произошло после того, как стало известно, что большое количество задержанных молодых людей было вывезено специальными машинами и автобусами за несколько десятков километров от города, где они были оставлены полураздетыми в поле на снегу, а с некоторых были сняты брюки. В адрес сотрудников правоохранительных органов посыпались нелицеприятные оценки. Они что совсем охренели? — витал в воздухе единый у всех

вопрос.

— Может быть, это всё-таки наговор? Неужели наши славные правоохранители дошли до такой дикости, — усомнился Максим в разговоре с Николаем.

На что Николай знающе хмыкнул.

— Какой там наговор. Мой дядя всё это подтвердил, он даже по этому поводу написал письмо своему руководству и в ЦК партии. Солдаты внутренних войск по несколько часов заставляли задержанных лежать на земле. При этом они добивались, чтобы те обязательно грудью задевали землю, а тот, кто хоть на секунду посмел поднять голову или оторвать грудь от земли, сразу же получал от них очередной удар дубинкой.

— Ужас! На дворе не май-месяц, а декабрь, — возмутился Максим. — Представляю, какая ненависть переполняла их души...

— Любви к нам — русским такое скотское поведение по отношению к местным точно не добавило...

— Ты прав, не добавило.

— Кстати, а что руководство, ответило твоему дяде?

Николай усмехнулся.

— Его вызвали в ЦК партии, и один из секретарей ЦК злобно сказал ему: «Ты что ж им своё одеяло не принёс из дома?».

— Ну, и рыло этот секретарь. А ведь всё начиналось с мирных лозунгов, казахи лишь хотели отмены назначения чужака-Колбина и избрать вместо него казаха или хотя бы казахстанца, за что их «отметелили» по полной программе.

— Дядя сказал, что правоохранительными органами было задержано около десяти тысяч человек, около двух тысяч казахов получили черепно-мозговые травмы. А сколько человек вывезли в поля, над сколькими поиздевались — это одному господу богу известно. Вот во что обошлась операция под названием «Метель». — А то, что этот секретарь ЦК рыло, — с презрением сказал Николай, — это точно. — Он поставил вопрос перед руководством МВД, чтобы моего дядю уволили из органов, как несознательного элемента.

— Твой дядя, наверное, переживает?

— Да, нет. Он плюётся..., — усмехнулся Николай. — Говорит, что сам ни дня больше не хочет работать на эту власть. Ведь по указаниям из ЦК компартии Казахстана в городе в экстренном порядке были сформированы народные дружины из числа русских, численностью порядка десяти-пятнадцати тысяч человек. Для них на заводах изготовили вооружение — обрезки арматуры, цепи, резиновые кабели, якобы для самообороны и защиты от хулиганов из числа казахов. В своём письме, копию которого я читал,

он написал о недопустимости формирования дружин по национальному признаку, ибо это может привести к необратимому расколу между двумя братскими народами, жившими многие годы в дружбе и согласии.

— Молодец твой дядя. А ещё молодец наш генерал, — добавил Максим. — Я слышал, что ему предложили представить личный состав, который был на площади у здания ЦК, к награждению медалями «За отличие в охране общественного порядка», так он отказался, счёл не геройским делом для пограничников разгонять сапёрными лопатками свой народ.

По лицу Николая пробежала ухмылка.

— Ему предложили медали, чтобы понесенный нами материальный ущерб не восстанавливать. С медалями проще — вручили и забыли. — А так сорок девять тысяч шестьдесят шесть рублей надо выплатить, — ехидно хмыкнул он.

— Откуда знаешь про этот ущерб?

— Всё оттуда же — от своего дяди. Впрочем, хватит о нём. Скажи лучше как обстоят дела у твоего сына — Клим, — поинтересовался Николай, перед тем как уйти, — наверное, рад, что в заварушку не попал и кирпичом по физиономии не получил?

Если был бы рад..., — рассмеялся Максим, —

а то горюет вместе со своими дружками, что ему не представился шанс отличиться, забывая о том, что на поле брани всякое бывает...

— А подружка у него есть?

Максиму неожиданно стало смешно.

— Не поверишь, но геройство для моего сына важнее, про подружку он на время забыл. А она ведь учится в художественно-театральном институте, — в этом рассаднике экстремизма, — неожиданно встревожился он. — Там почти 90 процентов местного этноса, кабы беды с ней не приключилось...

Вывод Максима относительно своего сына был ошибочным, уже вечером Клим пришёл к нему в канцелярию. Он выглядел крайне озабоченным.

— Пап, — выпалил сын с порога, — меня замкомвзвода отпустил к тебе всего на десять минут, поэтому слушай меня внимательно. Я хочу, чтобы ты заехал к Дусе и передал ей моё письмо. Ей будет приятно получить его в канун Нового года, в нём пара немецких новогодних наклеек. Дуся уже две недели молчит, и я боюсь, ни случилось ли что-либо с ней...

— Не волнуйся, сын. Перед Новым годом почта перегружена, поэтому идут сбои. Кстати, откуда, к тебе прилетел контрабандный товар? — поинтересовался Максим.

— Наклейки мне подогнал Толик, у него брат служит в Германии, в группе советских войск.

— А-а-а, — протянул Максим, — там такого добра много. У дембелей, отслуживших в Германии, наклейки почитаемый атрибут.

— А ещё брат выслал Толику авторучку с голой девушкой, которая одевается и раздевается. Забавно! Он показал её только мне, потому как боится, что у него её заберут. Скажут, что не положено...

— И правильно скажут, — усмехнулся отец.

— Ты когда письмо Дусе отдашь?

— Сегодня и съезжу к ней. Она там же в «Компоте», на улице Яблочной?

— Да, — рассмеялся Клим, она живёт там же, номер её дома 21...

На тёмном декабрьском небе вспыхнули одна за другой осветительные ракеты, озарив жёлтым светом частные постройки жилого сектора, названного в народе «Компотом» из-за его улиц, носящих фруктовые названия: Яблочная, Грушевая, Виноградная...

Трое молодых парней, одетые в чёрные дублёнки, с поднятыми воротниками и надвинутыми на глаза кепках, распахнули калитку и решительно вошли во двор небольшого дома. Непроглядную тьму во дворе рассеивал только свет

одиноким болтающего на столбе уличного фонаря, да полосы жёлтого света, просачивающиеся через щели в деревянных ставнях небольших перекошенных оконцев частного дома.

Один из непрошенных гостей, подкрался на согнутых ногах, к окну и осторожно заглянул в одну из щелей ставень.

— Вижу двух баб, — проговорил быстро он.

— Смотри лучше. Их должно быть три, — процедил сквозь зубы его поделщик.

— Нет, их две...

— Значит, третьей крупно повезло, — зло хохотнул он...

В доме действительно находились две женщины — Дуся и её мать Елена Феликсовна Тобольская. Бабушка — Матрёна Ильинична, которую Дуся звала «старой мамой», захворала и уже несколько дней находилась на излечении в городской больнице. Женщины сидели за столом и лепили к Новому году пельмени. В углу громко тикали старинные напольные часы.

Дуся уже вторую неделю прогуливала занятия в институте, из-за внезапной агрессии к ним «этносов», так они с подругой Аллой, называли меж собой студентов из числа казахов. «Этносы» в их институте составляли подавляющую часть, но это их не беспокоило, но, как оказалось, лишь до поры до времени — до наступления «Желтоксана».

Институт в одночасье превратился в бушующее море человеческих страстей. В его коридорах появились взрослые дядьки в окружении старшекурсников, явно не относящиеся к числу преподавателей. Все они что-то злобно выкрикивали на казахском языке, и разбрасывали листовки с националистическими призывами. И уже через несколько часов в руках их сокурсников неведомо откуда взялись металлические штыри и цепи, которыми они демонстративно размахивали, бросая при этом многозначительный взгляд в сторону студентов из числа русской национальности. Их лица при этом горели гневом, а глаза были наполнены безумием...

В этот день на выходе из института их с Аллой остановила группа старшекурсников, во главе с известным в институте спортсменом по кличке «Абдрахман». Им сунули транспаранты с надписью «Казахстан — казахам!» и, под угрозой физической расправы, заставили идти вместе со всеми на площадь Брежнева. По дороге им удалось затеряться в толпе и сбежать...

Уже вечером из телевизионных новостей они узнали о кровавом побоище, произошедшем на площади у здания ЦК компартии Казахстана. Кадры хроники засвидетельствовали как многотысячная толпа, состоящая в основном из студенческой молодёжи, вооруженная кольями,

арматурой и ломami, с громкими криками бросилась на штурм здания ЦК, пытаясь опрокинуть шеренги солдат, милиции и пограничников. Объектив запечатлел растерзанное тело работника местного телевидения, шестнадцатилетнего русского мальчика, их сверстника, заколотого ножом в автобусе кондуктором, а также истекающего кровью молодого казаха...

Все дни, пока по телевидению транслировались видеозаписи кровавого побоища, Дуся внимательно всматривалась в лица пограничников, державших оборону у входа в здание ЦК, ведь среди них мог быть Клим. Ей даже показалось, что она увидела его отца, но потом засомневалась. У неё была плохая зрительная память, к тому же она видела его лишь дважды в своей жизни.

О продолжении учёбы в институте, после случившегося, не могло быть и речи. Дуся это прекрасно понимала, но вот, как сказать об этом матери, не знала. Поэтому разговор на эту тему она решила составить по завершении новогодних праздников.

Уйти из института решила и Алла. Она, в отличие от своей подруги, всё уже рассказала своим родителям. Решение её отца было категоричным.

— Из этой «бурсы» тебе нужно уходить, её

ещё долго будет лихорадить, — сказал отец. — Казахи народ злопамятный. Да и дружбу с курсантами пограничного училища они тебе и твоей подруге не простят, — добавил он к сказанному.

— Дуся, к нам во двор, кажется, кто-то зашёл, испуганно сказала мать, — я слышала скрип калитки.

Дуся вышла в спальню и посмотрела в прорезь оконных портьер. Сердце её обмерло. Двое парней, стоявшие напротив окон их дома, были хорошо ей известны, и она их узнала сразу. Это был «Абдрахман», угрожавший ей и Алле расправой в случае, если они откажутся пойти с ними на площадь, и Аскар Байжанов — друг Газизы, которого когда-то поколотил Клим.

— Мама, мы никому не открываем, — побледнев, прошептала она.

— Конечно, доченька, не открываем. Поздно уже.

Раздался стук в дверь. Мать, преодолевая страх, вышла в коридор и осторожно подошла к входной двери.

— Кто там?

— Здравствуйте! Мы институтские друзья Дуся. Хотим поздравить её с наступающим Новым годом, — послышалось в ответ.

Мать обернулась и вопросительно посмотрела на дочь. Дуся отчаянно мотала головой, — не надо открывать!

— Её нет дома, она у подруги, будет завтра.

За дверями послышалась какая-то возня.

— Еетірік айтасын! (лживая сука, казахск.) — прохрипел злобный голос, — твоя дочь дома и подарок она свой от нас получит, хочет она того или нет...

— Немедленно уходите, иначе я вызову милицию!

— Вызывай, если сможешь!

Мать бросилась к телефону и набрала «02».

— Алло! Милиция!

Трубка ответила безмолвием.

— Мама, они перерезали провод...

— Послышался звон разбитого оконного стекла.

Женщины бросились в комнату, но уже на пороге отпрянули назад от волны жара, хлынувшей им навстречу. Внутри комнаты бушевало пламя. Нос уловил запах огня и бензина.

— Помогите! Горим! Пожар! — закричала мать и тут же закашлялась от едкого дыма. — Доченька, бежим из дома!

Они побежали к входной двери, но открыть её не смогли, — преступники подпёрли её снаружи. Дусю, от страха быть сожжённой в огне,

парализовало: она не могла ни кричать, ни плакать...

Мать не сдавалась. Она опрокинула на пол бочку с водой, стоявшую в коридоре, и тем самым высвободила вход в подполье.

— Лезь быстрее в подпол! — приказала она дочери, и, не дожидаясь, когда она это сделает, схватила за руку и буквально втащила её туда...

Вот и Яблонева улица. Там за поворотом дом, в котором живёт Дуся с матерью и бабушкой. В свете автомобильных фар Максим рассмотрел троих молодых казахов, бежавших по дороге навстречу ему. Увидев его «Жигули», один из них поднял руку. Максим сразу узнал его. Это был выродок семейки Байжановых, который попортил немало ему крови, утверждая, что Клим во время драки обчистил его карманы.

— Ну, уж нет! Взять могу только оленем на капот! — процедил сквозь зубы Максим и утопил в пол педаль акселератора. В нём неожиданно вновь вскипела злорада к нему и всем тем, кого он несколько дней назад усмирлял на площади.

Вот и дом семьи Тобольских. Но что это? Из окон дома вырывались наружу языки пламени.

— Чёрт! — выругался он. — Похоже, что те отморозки, которые попались ему навстречу, подожгли этот дом.

Он выскочил из машины и вбежал на крыльцо. Ударом ноги выбил доску, подпиравшую входную дверь, и вошёл в дом. Пинком распахнул дверь в комнату. В ней всюду бушевал огонь, оранжевые языки пламени лизали стены. Он глянул вверх. Потолок также полыхал, и с него вниз сыпались искры. Того и гляди, что скоро обрушится. Дым практически не давал что-либо разглядеть. Максим на мгновение замер в отчаянии.

— Есть, кто в доме! — крикнул он и прислушался. Никто не отозвался. Слышен был только гул и треск набирающего силу пожара.

Максим поднял воротник бушлата, опустил вниз клапана армейской шапки, вжал голову в плечи, вдохнул полной грудью и бросился сквозь огонь внутрь комнаты. Вокруг всё полыхало. Быстрым взглядом окинул комнату, в ней никого не было. Пинком открыл дверь в спальню. Здесь тоже было пусто. Закончился воздух в лёгких и кашель, вызванным едким дымом, взорвал его изнутри. Нужно было уходить...

Он выскочил назад в коридор. Нестерпимо жгло спину и ноги. Он сбросил с себя прогоревший бушлат на пол и тут увидел металлическое кольцо в доске пола. Это вход в подполье, — осенило его. Женщины могут быть там. Медлить нельзя. Он потянул кольцо на себя и поднял дощатую крышку, закрывавшую вход в подпол. Их он увидел сразу.

Мать и дочь лежали в бессознательном состоянии у нижней ступени лестницы.

Максим поднял их тела наверх, а затем вытащил их во двор. Уложив рядом на замерзшую землю, он в первую очередь стал делать искусственно дыхание матери, рассудив, что у Дуси больше жизненных сил. Как только мать очнулась, он немедленно ни секунды стал оказывать помощь Дусе.

Придя в сознание, мать какое-то мгновение смотрела очумевшими глазами на то, как Максим делал искусственное дыхание её дочери, затем опомнилась и принялась помогать ему. Наконец, в сознание пришла и Дуся.

Вскоре к ним подбежали жители ближайших домов, кто-то принес тёплые вещи, женщин укутали...

Затем во двор въехала пожарная машина, за ней следом «Скорая помощь»...

ГЛАВА V

НЕОЖИДАННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

В палату заглянула медсестра Катя.

— Товарищ пограничник, на перевязку! — скомандовала она Максиму и довольная собой разразилась звонким смехом.

Его пребывание в ожоговом отделении

городской больницы, куда он был доставлен машиной «Скорой помощи» вместе с Дусей и её матерью, подходило к концу. Ожоги на спине и ногах стали зарубцовываться, — мазь Вишневского творила чудеса, и он готовился к выписке.

Максим отложил книгу в сторону и поднялся с кровати.

— Слушаюсь, Катя, и повинуюсь! — покорно ответил он ей, сочленив при этом пальцы рук на уровне груди в восточном раболепии.

Несмотря на то, что Катя была лишь немногим старше его сына, она неожиданно стала проявлять к нему повышенное внимание, и он не отказал себе в лёгком словесном флирте, который был весьма распространённым явлением среди выздоравливающих больных. В его основе была благодарность к человеку в белом халате и в меньшей степени физическое влечение.

Максим вышел из палаты, в коридоре его поджидала Катя. Её миловидное лицо озаряла лукавая улыбка.

— После того, как я перевяжу вас, вы снова отправитесь на второй этаж в седьмую палату? — насмешливо поинтересовалась она.

Максим изумлённо уставился на неё. В этой палате, о которой шла речь, лежали Дуся и её мать Елена Феликсовна. Он навещал их, чтобы справиться о состоянии их здоровья. Если

состояние матери было более-менее удовлетворительным, то этого нельзя было сказать о Дусе — у неё из-за душевного потрясения пропал голос.

— И кто это, Катенька, успел меня заложить? Наверное, это сделал твой тайный воздыхатель, который утром подарил тебе розы? — выдвинул он тут же версию.

— Вы чересчур наблюдательны, — смутилась Катя. — Мне за эти розы уже досталось от заведующего отделением. Этот тайный воздыхатель срезал их с клумбы, которая находится прямо под окном у заведующего.

— Понимаю..., — лукаво усмехнулся Максим. — На месте заведующего отделением я бы вздул ещё и романтического воздыхателя, чтобы не портил окружающую среду, поддавшись своим вожделённым настроениям...

Катя бросила на него многозначительный взгляд. Ей явно понравилась реакция Максима.

— Хм. Но мой поклонник не заявляет о себе, и я не знаю, кто подарил мне эти розы. А может быть, это вы мне их подарили? — лукаво смеясь, спросила она. — Хотя нет, ваша пассия лежит в седьмой палате, и вы ей дарите розы с соседней клумбы...

Максим усмехнулся.

— Что касается моего похода в седьмую

палату, то там лежит девушка моего сына Клима — курсанта пограничного училища. Кстати, Катенька, ты его можешь увидеть сегодня. У сына нет возможности её навестить, так как в училище в связи с известными событиями на Брежневской площади отменили увольнения, поэтому девушку, которую зовут Дуся, навещаю я...

Катя глубоко вздохнула, её пальцы нервно крутили пуговицу на халате.

— Но там, кроме подружки вашего сына, есть ещё и её мама, — неожиданно ревниво сказала она и её голос при этом слегка задрожал.

Максим картинно вытаращил глаза, потом громко рассмеялся.

— Катенька, побойся бога! Я с мамой, мой сын с её дочерью? Это ж явная Санта-Барбара! Ну, и картину нарисовало твоё воображение.

Катя рассмеялась вслед.

— Действительно, получился забавный любовный треугольник, даже в зарубежных романах такой сюжет нечасто встретишь.

— Да уж, — протянул Максим. — Я не любитель зарубежных романов. Но знаю, что в жизни бывает всякое. Мой отец как-то рассказал об одном зловещем, случившемся с его старинным другом, которое тот сам и поведал ему.

— Расскажите мне о нём, — попросила она.

— Слушай. Друг отца жил в деревне и к нему

приехала погостить родная племянница: шестнадцати лет отраду, косы до пят соломенного цвета, кровь с молоком, — русская красавица одним словом. И вот, в голову хозяина дома стали закрадываться всякие пагубные мысли и потерял он покой и сон. Неведомая сила тащила его из горницы, где он почивал со своей возрастной женой, на кухню, к печке, на которой спала эта красная девица. — Лежит она на печи, зовущая, манящая, хоть жену бросай, — жаловался он моему отцу на гормональный взрыв организма.

— И что он? Бросил всё-таки жену?

— Катенька, не торопи события. На вопрос своей жены, почему он каждую ночь на кухню шастает, несчастный не мудрствуя, отвечал: «Жажда замучила, солоно покушали...».

— И что его жена? Неужели поверила в этот бред? — вновь в нетерпении прервала его рассказ Катя.

Максим рассмеялся.

— Нет, жена не поверила. Ведь солонина не всегда на столе стояла. Поэтому в один из дней она решила проследить за своим мужем.

— И что увидела?

— Увидела, как её муж подставил с торца печи небольшую скамеечку, встал на неё, осторожно стянул со спящей молодухи одеяло и созерцал некоторое время её прелести мутным

взглядом. После чего возвратился, как ни в чём не бывало, обратно в супружеское ложе.

— Да уж, — в мягкой улыбке расплылась Катя, — не зря говорят: «Лучше в постели холодная молодушка, чем горячая старушка». Так чем же всё-таки закончилась эта история? Семейным скандалом?

— Закончилась она довольно-таки забавно. Жена, в конечном итоге, решила напугать своего мужа. Для этого она с вечера налила ведро холодной воды и поставила его на полати. Знаешь, Катя, что такое деревенские полати?

— Не, не знаю, — честно призналась Катя.

— Полати — это такие нары, которые мостят в деревенских избах под потолком между печью и противоположной ей стеной.

— А-а-а..., начинаю уже догадываться, что было дальше. Жена привязала верёвочку к душке ведра и скрытно протянула её по избе. Затем, выбрав подходящий момент, когда муж в очередной раз стал любоваться обнаженными прелестями деревенской махи, дёрнула за веревку и окатила его холодной водой. Я не ошиблась?

— Совершенно верно, всё так и было. В результате муж со страху обмочил кальсоны, он честно признался в этом моему отцу, а молодушка даже не проснулась...

— У девушки явно хорошие нервы, оттуда и

такой богатырский сон, — заметила Катя, — сейчас таких людей вряд ли встретишь, все уже с раннего возраста становятся неврастениками...

— Но, мы ведь, Катенька, с тобой не неврастеники?

— Нет, не неврастеники! — рассмеялась девушка.

— Ну вот, и замечательно. Теперь давай вернёмся, Катенька, к началу нашего разговора. Кто такая девушка из седьмой палаты на втором этаже я тебе рассказал, ну, а её мама вне подозрений, она отпала сама по себе.

— Нет, никто не отпал. Вы мне обещали не нарушать больничный режим, а сами что делаете? — обиженно надула губы фантиком она.

— Не сердись, ты же знаешь, что Дуся из-за нервного стресса потеряла голос и не разговаривает, какой уж там флирт с ней? К тому же она совсем зелёная...

— Ничего не зелёная, она всего лишь на два года младше меня.

— Откуда ты знаешь её возраст? — удивился Максим. — Впрочем, о чём это я. У тебя ведь на всех этажах свои люди...

— Мне почему-то жалко эту девушку..., — неожиданно расчувствовалась Катя. — Она может остаться немой на всю оставшуюся жизнь. Её психика подорвана, и она теперь в каждом казахе

будет видеть для себя угрозу. Ей следует срочно уехать из Алма-Аты, чтобы не было рецидива...

Максим в согласии кивнул головой. Он и сам все последние дни задумывался, на сей счёт, но в голову ничего толкового ни шло. И тут его внезапно озарило, теперь он знал, что ему следует предпринять. Осталось только дождаться сына и всё обсудить с ним.

— Спасибо тебе, Катенька, за подсказку. Ты права, находиться в этом городе обеим женщинам нельзя. Мать и её дочь являются не только потерпевшими, но и свидетелями преступления, поэтому от них просто-напросто могут избавиться.

— Вот я об этом же..., — с пониманием сказала Катя.

Клим появился в палате после обеда.

— Привет, папа! Как ты? — раздался с порога его голос, который уже окончательно расстался со своей юношеской звонкостью и имел более низкую мужскую окраску.

Клим был одет не в привычную его глазу курсантскую форму, а в гражданскую одежду: брюки, свитер, рубашку.

Максим поднялся с кровати, и они обнялись.

— Извини, пап, что не мог ранее тебя навестить, — не отпускали...

— Всё нормально, сын. Я в курсе всего того, что происходит в училище.

— Нам теперь, пап, рекомендовано ходить в городе в «гражданке», а тем, у кого её нет, ходить группами не менее трёх человек. Сказали, что это мера временная, потому как в городе периодически возникают конфликты на межнациональной почве. Пограничников не очень-то жалуют в городе, особенно молодые казахи...

— Сапёрные лопатки они нам долго ещё не простят, как впрочем, и мы их камни и ломы, — сказал Максим.

— Не забудем, папа, это точно. Как дела у Дуси и её мамы?

— Гораздо лучше. Сейчас мы пойдём к ним, но прежде, я хотел бы поделиться с тобой одной мыслью, которая только что возникла у меня.

— Слушаю тебя, пап.

Максим собрался с мыслями, потом пристально посмотрел в глаза сына.

— Мне вот что думается, сын, в трагедии, случившейся с семьей Тобольских, есть и наша вина. Если бы девочка не дружила с тобой, то к ней, не пришли бы эти моральные уроды. А так через неё, они поквитались с нами за кровавый «желтоксан». Я ведь видел в тот вечер, недалеко от её дома, стоящих на дороге трёх парней. Одного из них я узнал, это был Аскар Байжанов, тот самый, которому ты, в битве за Газизу, сломал передний зуб.

— Нифига себе! — присвистнул Клим и его глаза при этом гневно сверкнули. — Это точно он поджѐг их дом. Он знал, что я учусь в пограничном училище и дружу с Дусей.

— Я тоже так считаю.

— Тогда их надо упрятать за решѐтку.

— Это сделать будет непросто. Тем не менее, я всё рассказал следователю, который появился в палате на следующий день моего нахождения в больнице.

— Понятно. А следователь хоть русский или из казахов?

— Русский.

— А что за мысль пришла в твою голову? — вспомнил Клим.

Максим растѐр костяшками пальцев виски, словно собирался что-то важное обдумать, а затем вновь внимательно посмотрел на сына.

— Я вот что думаю. Нам нужно предложить Дусе и её матери поехать со мной на Сахалин. Ведь жить-то им негде, а на заставе у них будет жильѐ, время залечит их раны, а там видно будет. Ты будешь приезжать в отпуск, а после окончания училища вы с Дусей примите окончательное решение. А может быть такое решение вами будет принято и раньше.

Можно было бы предложить им мою квартиру, но в этом городе они вряд ли будут

спокойны. От таких свидетелей преступники постараются избавиться...

Максим видел, как вытянулось на мгновение лицо у Клима. Но высказать своё мнение он не замедлил.

— Я тоже так считаю, пап. Они ведь действительно пострадали из-за нас. Мы просто обязаны так поступить. Вопрос лишь в том, возможен ли их переезд вместе с тобой на заставу, они ведь нам чужие?

— Возможно! На пограничной заставе всё возможно. Руководству пограничного отряда они будут представлены мной как невестка моего сына и её мать. Училищному начальству я всё объясню, и попрошу генерала, чтобы на них выписали проездные документы...

— Что ж, тогда пойдём и скажем им об этом, — сказал Клим.

— Идём, сын!

Дуся считала, что внутренне она была готова к встрече с Климом, так как ждала его с первой минуты как оказалась в больницё. Но вот он вошёл в палату и слёзы ручьём хлынули из её глаз.

Клим обнял её за плечи и поцеловал.

— Здравствуй, Дуся! — тихо сказал он, наклонив голову.

Из груди Дуси, вместо слов, вырвался

сдавленный стон.

Клим вздрогнул от неожиданности.

— Я знаю, что ты пока не можешь говорить, но мы ведь можем с тобой переписываться, у меня есть блокнот, давай присядем за стол...

— Я тебя люблю, несмотря ни на что! — вывел он первые слова на листке.

Глаза Дуси наполнились радостным светом.

— Я тебя тоже! — написала она в ответ.

Увидев сияющее лицо дочери, мать Дуси облегченно вздохнула.

— Давайте и мы с вами поговорим в коридоре, — предложил ей Максим, — оставим молодёжь наедине...

Они вышли из палаты, и, найдя подходящее место, уселись напротив друг друга.

— Елена Феликсовна, — сразу перешёл к главному Максим, мы с сыном хотим, чтобы вы и Дуся поехали вместе со мной к новому месту моей службы — на остров Сахалин. Мы ведь уже не чужие — судьба и горе крепко связало нас. На пограничной заставе для вас будет жильё и всё необходимое. Там вы с Дусей будете в полной безопасности — это сейчас очень важно. Отморозки, которые подожгли ваш дом, вряд ли успокоятся, им грозит тюрьма и свидетели их преступления им не нужны...

Мать поникла и опустила глаза, у неё тоже

навернулись слёзы. Такого предложения она явно не ожидала. О том, что им делать, как теперь существовать, когда на пожаре сгорело всё, что у них было, она думала все эти дни. Рассчитывать на какую либо материальную помощь со стороны правительства, ей и в голову не приходило, потому, как отчётливо понимала, что после кровавого «желтоксана» это пустое дело.

— Но у нас нет, ни денег, ни каких документов — всё сгорело на пожарище. — А ещё у нас здесь бабушка, моя мама, — тихим и горестным голосом добавила она к сказанному.

— А где сейчас ваша мама? — О том, что есть ещё и бабушка, Максим не знал.

— На момент пожара она находилась в больнице, сейчас её выписали, и она уехала в Калкаман к своей родной сестре.

— Бабушку мы заберём с собой, — решительно сказал Максим.

Мать улыбнулась.

— Спасибо, Максим, за вашу готовность помочь нам, но...

— Никаких но...

— Вам грозит опасность. Впрочем, нам всем грозит опасность. Я ведь, подъезжая к вашему дому, увидел тех, кто возможно и поджжёт ваш дом. Я рассказал о них следователю...

Мать прокашлялась.

— Дуся тоже опознала двоих, она видела их в щель ставни. Эти изверги учатся вместе с ней в театральном на старших курсах...

— Значит, это более чем серьёзно, нам нужно уезжать, не раздумывая. Вам в срочном порядке восстановят паспорта, у моего курсанта мама — начальник паспортного стола. Затем я закажу нам билеты на самолёт до Южно-Сахалинска. Соглашайтесь!

— Хорошо, я согласна... Что же касается бабушки, то ей лучше будет у сестры, вдвоём им веселей, да и приглядеть за ними там есть кому. У её сестры трое взрослых внуков.

— И ещё, — вспомнил вдруг Максим, — у вас, Елена Феликсовна, период пребывания на заставе зачтётся в трудовой стаж.

Её лицо просветлело, она улыбнулась так, как это могут делать только любящие матери.

— Спасибо, Максим, я тронута вашим отношением к нам. С трудовым стажем у меня всё в порядке, я ведь уже как год нахожусь на пенсии. На почте я лишь временно подрабатывала, а так по профессии я провизор. Я окончила медицинское училище в Новосибирске, работала фельдшером на скорой помощи. Затем там же окончила медицинский институт, и в дальнейшем работала в аптеках, сначала в Новосибирске, а потом в Казахстане. Дуся у нас родилась в России, в

Новосибирске...

— Извините, я даже предположить не мог, что вы на пенсии, вы так молодо выглядите, — восхищённо сказал в ответ Максим.

— Спасибо, Максим, за такой комплимент, он для меня совсем неожиданный. Мне казалось, что я почернела от горя. Я так сильно расстроена за Дусю...

Максим прокашлялся.

— Я уверен, что она обязательно поправится, а скорбь дело наживное. Главное ведь, что вы остались живы...

— Ох, если бы не вы, Максим, чтобы с нами было, — вырвался из её груди стон.

— Там, наверху, — Максим показал пальцем в потолок, — было угодно, чтобы я оказался рядом с вами.

— Да, — кивнула покорно женщина.

— Меня выписывают завтра, а что говорят в отношении вашей выписки?

— Нас с Дусей выпишут на следующей неделе, — так сказал нам лечащий врач.

— Мы с Климом приедем за вами. Жить до отъезда будете у нас. У нас двухкомнатная квартира, она будет в полном вашем распоряжении. Насчёт одежды не беспокойтесь, всё необходимое у вас тоже будет.

— Спасибо, Максим, этого не нужно. Мои

коллеги с работы и подруги дочери собрали нам два больших баула. К тому же я надеюсь, что нам будет оказана материальная помощь...

— Обязательно будет оказана, я в этом даже не сомневаюсь. Если будет необходимо, то создадим на этом направлении дополнительное усилие. У нас в дивизионе есть несколько курсантов, у которых очень влиятельные родители.

— Вы сейчас, Максим, так забавно сказали про направление и дополнительное усилие, — заметила мать Дуси с улыбкой на лице.

— Это, Елена Феликсовна, потому что я до мозга костей военный человек. Поэтому у меня это нередко проскакивает. Мой приятель как-то рассказал мне забавную историю из своей семейной жизни. С его женой случился однажды конфуз в кабинете врача-рентгенолога, где ей делали снимок лёгких. Она стояла, прижавшись к экрану рентгена грудной клеткой, врач из-за дверей соседней комнаты крикнул ей: «Дышите полной грудью!» Потом последовало: «Свободно!». Услышав это, жена друга сошла с площадки рентгена и устремилась к вешалке, где висела её одежда. «Женщина, вы куда?» — крикнул вслед ей врач. Та, недоумённо: «Но вы же, мне сами сказали, что я свободна. Вот я и пошла».

Врач в ответ рассмеялся: «Женщина, я имел ввиду, что вам дышать следовало не полной

грудью, а свободно».

Мать Дуси тоже рассмеялась.

— Я поняла, в чём тут дело. Видимо в семье вашего друга, когда жена ему сильно докучала, то он, не желая вести с ней диалог, говорил ей: «Свободна!». Вот и зомбирова́л свою жену на такое восприятие этого слова. Наверное, по возвращении из клиники, она задала своему благоверному взбучку?

— Именно так и было. Солдафон! — возмутилась она, сразу же по приходу из поликлиники. — Из-за тебя я попала впросак.

— Мне кажется, что вы, Максим, не такой, — сказала мать Дуси, окинув его тёплым взглядом.

ГЛАВА VI

ОСТРОВ САХАЛИН

Дуся пристально всматривалась в окно иллюминатора. Самолет надрывно гудел, слегка покачивая крыльями. Наконец, в иллюминаторе показалась земля, Дуся с облегчением вздохнула, полёт над морем основательно встревожил её душу и наполнил мрачными мыслями, которые были связаны с Климом и её физическим недугом. Со времени пожара прошло более месяца, но горечь случившегося была так жива, словно всё произошло вчера. Она встряхнулась и отогнала от себя

мрачные мысли. Хватит сетовать на судьбу, нужно верить в лучшее! Затем посмотрела на мать и указала ей пальцем на иллюминатор, мать наклонилась и тоже уткнулась лбом в стекло.

— Вижу рыбаков на льду, — тут же объявила она. — Интересно, какую рыбу они ловят?

— Может быть морских окуней? — высказал предположение Максим.

С заднего ряда раздался хрипловатый мужской голос.

— Они ловят корюшку, — пояснил мужчина. — Великолепная рыбёшка. Вам обязательно с ней нужно познакомиться, от неё зимой исходит запах свежих огурцов.

— Спасибо за информацию. Обязательно познакомимся, — поблагодарил его в ответ Максим.

Неожиданно командир экипажа объявил, что приземление рейса в аэропорту «Хомутово» города Южно-Сахалинска задерживается. Самолёт закружил над сопками островного края. Пассажиры, большую часть которых составляли жители острова, спокойно отнеслись к тому, что их самолёт кружил, выискивая брешь в плотной пелене облаков, ибо непогода была для них обычным явлением.

Но вот, наконец, брешь была найдена, самолет резко устремился вниз и уже через несколько минут

его колёса гулко застучали по замёрзшей бетонной полосе.

По бортовой связи стюардесса объявила:

— Пограничный наряд! Просьба приготовить к проверке документы!

Все оживились. Салон наполнился гулом. Дуся посмотрела на Максима. Он улыбнулся ей и полез во внутренний карман меховой куртки за документами.

Вскоре к ним подошёл старший пограничного наряда — молодой офицер в звании лейтенанта и попросил предъявить документы. Максим протянул ему паспорта женщин и своё служебное удостоверение и предписание.

Офицер бегло взглянул на служебное предписание.

— С прибытием вас! — поприветствовал их офицер. — Я вас, товарищ капитан, хорошо помню по училищу, вы были курсовым офицером во втором дивизионе.

— Точно, был — расплылся в улыбке Максим.

— На привокзальной площади вас ожидает служебная волга, которую за вами направил начальник штаба пограничного отряда, — добавил к сказанному офицер.

Максим довольный данным обстоятельством посмотрел на женщин. Лицо Дуси и её матери тоже